146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 146

Державные братья

рассказ

о. Николай (ТОЛСТИКОВ)

г. Вологда

(В лето 1491 от Р.Х.) Сыновья

Княжича-отрока схватили прямо в соборе за вечерней молитвой. На службе он стоял на коленях считай один; в полутёмном, еле-еле освещаемом немногими теплящимися свечками гулком холодном нутре храма лишь на клиросе подавала голос тройка певчих, чередуясь с едва слышными из алтаря прошениями священника:

– Господи, помилуй...

Ратные люди с таким шумом и топотом ввалились в храм, как будто сбирались не четырнадцатилетнего парнишку вязать, а ражего детину. Иван и испугаться не успел, слова Иисусовой молитвы договаривал, пока влекли его, подхватив за руки и за ноги, к выходу из церкви.

Дошло только, что дело-то неладно, когда запястья тонких, не привыкших и к игрушечному шутовскому мечу, а больше приученных сжимать древко хоругви во время крестных ходов, рук забили ловко и споро в «железа» незнакомые бородатые дядьки, по говору узнавалось – московиты.

Иван поискал глазами кого-нибудь из дворни, но понапрасну: то ли все поразбежались от страха, а то ещё хуже: где-то лишённые жизни лежат. Эти запыленные с дороги, хмурые чужие ратники все могут. Как нарочно, и отец уехал вместе с боярами и челядью гостевать к своему старшому брату – великому князю Московскому Иоанну Васильевичу. Тут тати коршунами и налетели, улучили времечко взять врасплох!

– Другой сычонок где? – свирепо крикнул кто-то.

– Тутока!

Димитрия, младшего, дюжий ратник волок за шиворот, как кутёнка, попутно отпихивая сапогом цеплявшуюся за мальца няньку. Грубо заброшенный в телегу Димитрий, хныча, прижался к брату, с испугом косясь на железные оковы на его руках.

Княжичей закрыли попонами и что есть мочи погнали лошадей.

Иван пытался подглядывать из-под укутки и вскоре уже не мог узнать мест: после тряской,

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 147

отшибающей все внутри дороги средь лугов поехали тише, с обочин вплотную надвинулся сумрачный ельник. Смеркалось.

Лес порасступился, засветилось прощальными солнечными бликами речное плесо под крутым обрывистым берегом: похоже, тут был перевоз. Вон и избушка лодейщика стоит, скособочилась. А возле неё какие-то люди, один даже вроде и знаком.

Остановились. Братишка, по-прежнему прижимаясь к Ивану, задремал, жаль было его тревожить, когда кто-то скинул попону и приказал:

– Выметайтесь!

Иван, осторожно разомкнув обнимавшие его ручонки брата, позванивая цепью, кое-как выбрался из телеги. С Димитрием опять не церемонились: вытащили, встряхнули, поставили на ноги.

Младший хныкал и протирал кулачками глаза, а Иван рванулся к знакомцу, радуясь. Отцов боярин Фёдор!

Боярин, молодой, с пробивавшейся реденькой бородёнкой на скулах, поморщился, завидев оковы на руках княжича, сказал чуть слышно что-то другому, тоже по виду боярину, пожилому и с хитрым прищуром глаз, перед ним ещё набольший ратник, подойдя, с почтением снял шапку.

– Заходите в избу, отдохните малость! – получив согласный кивок, заискивающе улыбнулся княжичам Фёдор.

Едва вошли в избушку, он помрачнел и заговорил первым, не дожидаясь расспросов ребят:

– Дорога вам дальняя предстоит, на Вологду. Так великий князь Иоанн Васильевич постановил.

– А батюшка наш где? – едва удерживая слёзы, стойно бы Димитрию не разреветься, спросил Иван.

– Того не ведаю... – отвёл глаза в сторону Фёдор и вдруг упал на колени, неловко кланяясь княжатам в ноги. – Простите меня, если возможете!

Заслышав шорох за дверью, он спешно поднялся и распахнул её:

– Переправят вас через реку! Дальше в моем возке поедете!

Иван, выходя, расслышал, как Фёдор негромко приказал ратнику:

– Оковы не снимать до самого места! А ежели чего...

Тут рядом заржала лошадь, и остатние слова не удалось разобрать.

(В лето 1491 от Р.Х.) Отец

У князя Андрея дорогою щемило сердце недоброе предчувствие: неспроста, ох неспроста, зазывал на угощение старший брат Иоанн Васильевич, вон даже бояр именитых своих прислал! Хитромудро всегда брат любое дело затевает, уделы после младших братьев к рукам прибрал, недолго думу думал... Что случилось с младшими? Молва в народе пущена, что преставились оба по «болести», тихо-чинно, исповедовавшись и вкусив Святого Причастия, но не верилось князю Андрею, слыхал он от верных людишек и иное. Что за хворь такая цветущих, в соку, еще не успевших обзавестись чадами, молодцов скрутила за несколько часов. Хоть бы моровое поветрие случилось, там что холоп, что князь – без разницы, но тут-то двоих только и не стало. И перед тем как навсегда смежить очи, оба вернулись из Москвы...

Князь Андрей с детьми своими Иваном и Димитрием прощался долго, ласково выспрашивал о ребячьих делах, гладил обоих по русым завитушкам кудрей, на прощание каждого перекрестил и поцеловал в макушку. До сих пор перед глазами стояли оба отрока: серьёзный, с печальным взором чёрных, поблескивающих слезою глаз Иван, прозванный дворовыми «князем-монашком», и Димитрий, вылитый – покоенка-княгинюшка, весёлый и уже сейчас сгорающий от нетерпения – какой-то подарок отец из Москвы привезёт.

Подумал дорогой о сыновьях, и в душе едким мускусом растеклась горечь: никому из них не бывать на великокняжеском столе, как и самому. После Иоанна-то ему бы, Андрею, черёд наследовать по старым дедовским законам, «лествичному праву», ан ныне при Иоанне закон другой – объявил великий князь наследником своего только что народившегося внука. А ведь даже покойный батюшка Василий, прозванный в народе Тёмным, супротив прадедовских заветов не пошёл, разделил по старинушке на уделы всем сыновьям землю свою.

А Иоанн... Князь Андрей вспомнил, как дро-

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 148

жали от холода они со старшим братом, будучи ещё отроками, в стылом нутре собора, посаженные под стражу, и – пуще – от страха жались друг к другу: неведомо куда увели отца двоюродные братья Димитрий Шемяка и Василий Косой, «вышибив» из-под него престол, заставив отречься от власти. И бросились юнцы к появившемуся в проёме врат отцу и тотчас с ужасом отпрянули обратно: вместо глаз на знакомом до каждой морщинки лице из-под сбившейся чёрной повязки кровавились страшные раны.

Хоть и была потом победа над врагом, однако всё прошлое горьким уроком, видимо, для родителя не стало. Но не для Иоанна...

Много чего ещё думалось князю Андрею и в полудрёме в тряском возке, и в бессонные ночи на постоялых дворах. К Москве он подъезжал и вовсе тревожный, минуя узкие улочки, всё почему-то побаивался лишний раз выглянуть из возка, а перед воротами в кремль захотелось ему развернуться и – в галоп, восвояси!

Створки ворот медленно, как-то завораживающе, разошлись, зычным окрикам стражи устало отвечали Андреевы ратники; и вот со ступеней крыльца, тяжело колыхаясь чревом, обряженный в праздничный кафтан, скатился один из первейших Иоанновых бояр – Семён Ряполовский.

– Государь тя, дорогой князюшка, ждёт не дождётся!

Воскликнул вроде бы приветливо-радостно, но поди-ка угадай, что в узеньких щёлочках заплывших боярских глаз таится.

Князю Андрею припомнилось вдруг, как за недавним временем не поспешил он с ратью на подмогу старшему брату на Угру-реку, где стоял тот супротив бесчисленной орды Ахмат-хана, сказался недужным. Потом всё-таки вдогон московитянам собрался было выслать войско, назначив воеводой одного из своих бояр, но бояре же и отговорили: дескать, намнёт хан Иоанну бока, а пуще и шею свернет – быть тебе тогда набольшим! И младший брат Борис им вторил, клонил опять к тайному союзу с Литвой.

А как принесли весть, что Ахмат отступил без сечи, а Иоанн и ханскую грамоту-басму о требовании дани растоптал – рухнуло иго над Русью, тогда шептуны-бояре трусовато притихли, народ на городище ликовал. Андрей же сидел в тереме растерянный, слушая, как Борис скрипит от злобы зубами и чертыхается. Андрей покосился на рассвирепевшего брата, опрокидывающего медовуху чарку за чаркой, и впервые с облегчением подумал, что, слава Всевышнему, не он, князь Угличский, наибольший в роду.

Борис вскоре погиб странной смертию на постоялом дворе близ литовских пределов; знающие люди сообщили, что обобрали его до нитки тайные лазутчики московитов, но ещё хуже – пропала сума с грамотками на сговор с литвинами, а в них, может быть, и Андрея имя поминалось...

Старший брат встречал не торжественно – по-простому, по-свойски: надавив тяжело на плечи Андрею крепкими руками, трижды облобызался с ним, повёл, поддерживая под локоть, во внутренние покои. В просторной горнице стояли богато накрытые столы – за них принялись рассаживать Андреевых бояр и дружинников; Иоанн же провёл Андрея в небольшую уютную светёлку, видимо, собирался потолковать с глазу на глаз.

Андрей подметил, что как всё-таки постарел брат, хоть и виделись не так давно, огруз телом, седина разлаписто влезла в бороду, из-под низко нависших, почти сросшихся на переносье бровей поглядывали испытующе-колюче маленькие медвежьи глазки, отчего Андрей, сглотнув ком в пересохшем горле, отвечал попервости брату невпопад.

А Иоанн приветливо и с участием справлялся о здоровье, расспрашивал о домочадцах; пригубив чарку хмельного мёда, вздохнул:

– Один брат ты у меня остался...

У Андрея на сердце отлегло.

– Подарок тебе преподнести желаю! – Иоанн хлопнул было в ладоши, призывая слугу, но передумал: – Погоди, сам принесу!

Он вышел, а Андрей, расслабленно протянув ноги под столом и чувствуя, как в голову бухает и медленно крутит её хмель, вслух проговорил:

– Хорошо-то как!

Слабо донёсшийся шум из глубины терема насторожил было князя, но он устало смежил очи – почивать бы с пути-дороги. Каким бы брат подарком не одарил, всё равно дорого другое – внимание...

Дверь распахнулась, и князь растерянно заморгал, ничего не понимая: грузно ввалился в

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 149

светёлку Семён Ряполовский, следом за ним – тройка дюжих молодцов. Князя обступили, Семен склонился к самому его лицу – щёлки глаз, поблескивая, хищно щурились, будто у татарина:

– Подставляй белы ручки, князюшка!

– Иоанн! Измена! – встрепенулся, вскрикнул Андрей осевшим голосом и застонал, притиснутый грудью и лицом к столешнице.

Его скрутили, повели длинным переходом в подвал, в рот забили тряпку.

– Мычи теперь, мычи! – насмехался Ряполовский, позади еле поспевая на своих коротеньких ножках. – Чья ещё измена? И кому?

Андрей, поняв всё, обмяк и от внезапно накатившейся слабости упал бы, наверное, кабы не держали его крепко.

(В лето 1493 от Р.Х.) Горькая чаша

Дни и ночи в затворе тянутся медленно... Какое время года стоит, узник, заточённый в каменный мешок, узнавал по оконцу под самым потолком, пробитому в гладкой – ногтем не зацепишься! – стене. Если вслед за студёным ветром стали залетать снежинки, знать, зима наступает, а если начнут всё чаще заскакивать весёлые ласковые лучи солнышка – весна-красна идёт.

Если б не худенький бараний тулупчик, подброшенный приставом в лютый мороз, отдал бы Богу душу князь Андрей – для всех прочих за крепкими стенами узилища неизвестный тать и разбойник. И, вправду, на человека своего звания стал не похож: оброс страшно, исхудал, на пожелтевшем лице глубоко ввалились глаза, запах дурно, из прежнего только и остался на теле полуистлевший кафтан. Не посмели его снять темничные стражи.

Попервости накатывало на князя, особливо когда пред тем снились ему испуганные лица сыновей; он начинал бить кулаками в дверь, требуя передать челобитную государю, в оковах скоро отбивал до ломоты руки и, звякая цепями, без сил валился возле порога. Заглядывал опасливо страж, ставил мису с едой; однажды Андрей пополз на коленях к нему, умоляя позвать кого из начальных людей, но стражник, отшатнувшись, прежде чем захлопнуть дверь, замычал странно, вроде как рассмеялся и открыл широко рот с редкими гнилыми зубами – в глубине трепетал обрубок языка.

С того раза князь не бился и не стенал больше, поняв, что погребён заживо. Молился только о детях своих: кто знает, может, томятся так же где-то неподалёку. Он тяжело, с надрывом, кашлял: не прошли даром морозы, разрывало грудь. Заметив влетевшие с порывом ветра снежинки, Андрей вздохнул: зимы не пережить...

Загремел запор, но вместо безъязыкого стражника в темницу ввалился некто грузный, отпыхиваясь, в богатой одеже.

Андрей с испугом попятился в дальний угол: призрак, злой дух, не иначе, стоял на пороге – боярин Семён Ряполовский. Так же щурил и без того заплывшие щёлки глаз на мясистом лице:

– Неуж испужался, князюшка? Не бойся, не с худом я к тебе, не с худом!..

Семен присел бы куда, да не на тюремный же грязный топчан гузно пристраивать, кафтан еще измараешь. Остался стоять, колыхаясь чревом:

– Уж мы, бояре, на тебя, княже, зла не имеем. Митрополит за тебя пред государем хлопотал. Но ответ государев жесток: дескать, с Литвою вместе с братом Борисом ты якшался, а буде Господь де меня в одночасье призовёт, и под наследником моим всё равно великокняжеского престола искать будешь. И порешил он, скрепя сердце и скорбя душою, тебя под крепкие замочки тайно поместить. Людишек ненадёжных вокруг много, не дай Бог, пря, смута какая возникнет, и тебя втащат. Не так?

В ответ князь Андрей закашлялся, аж согнулся пополам, добрёл ощупью по стене до своего убогого ложа, повалился.

Ряполовский, замолкнув, с отвращением и страхом покосился на пятна крови на ладонях князя, едва отнял он их от уст.

– Долго не протяну... – Андрей наконец смог продышаться. – Передай брату моему государю – челом бью о детях моих, позаботиться прошу, не обижать. Вот, возьми! – князь снял нательный крест и, поцеловав, протянул Семену. – Будь ходатаем!

На золотых перекладинках крестика сверкнули драгоценные камушки, и блеск их на мгновение отразился в хищных острых зрачках глаз боярина.

– Будь покоен, князюшка! И так с их береженых головушек ни волоска не пропало... – запел елейно Ряполовский, потом выглянул за

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 150

дверь и вернулся к князю с дорогой, изукрашенной чашей в руке, принятой у кого-то из слуг. – Вот государь жалует тебе вина заморского, осталось за ним...

Андрей удивленно вскинул брови, но тут же по жёлтому болезненному лицу его растеклась бледность.

– Поставь рядом! – едва слышно дрогнувшим голосом попросил он. – Уймётся трус в руках – и приму! Спаси Бог брата...

Ряполовский вышел, прихлопнув дверь, бросил безъязыкому стражнику:

– Чаша – твоя! Потом пропади!

Стражник, ощерив зубы, понятливо, с радостью закивал.

Князь Андрей, поднося трясущимися руками чашу к устам, взмолился: «Господи, прости мя и прими душу мою грешную! Не оставь чад моих!»

Чаша, расплескивая остатки зелья, покатилась по полу: князь, пригубив, отшвырнул её. Теплота вдруг разлилась по всему телу князя, огнём полыхнуло внутри, во чреве, и темничное оконце под потолком стало стремительно приближаться, душа Андрея ощутила себя на свободе...

Стражника же нашли утром в ближнем лесу – голого, с проломленной башкой.

(В лето 1527 от Р.Х.) Во узах

Ивану, первенцу Андрея Угличского, приснился сон: будто он – маленький мальчик, стоит в кремлёвских палатах, и обступили его в чёрных, как вороново крыло, рясах митрополит в белом клобуке, архиереи, прочее духовенство. Напуганный многолюдьем, он пытается спрятаться за спину отца, тоже облачённого в чёрное, но – глядь! – совсем другой человек оборачивается к нему и недобро усмехается в цыганющую курчавую бородищу.

Говор, шепоток умолкают при появлении дяди – державного государя Иоанна Васильевича. Только не пышно разодет великий князь, а в каком-то он невзрачном тёмном одеянии и голову держит не гордо, надменно поглядывая, а понурив, в глазах – слёзы. Руки его прижаты к груди, едва внятный голос умоляет:

– Отцы святые, покаяться вам, как перед самим Господом, хочу... Безвинно погубил я брата своего Андрея. Побоялся, что худое супротив меня, как бывало в безрассудной молодости, затевать будет, а потом и дети его – против детей и внуков моих. Опять державу нашу на кровоточащие куски раздерут, и рабами будем поганым язычникам. Но нет покоя мне, что брата живота лишил во хладе и гладе, грех сей великий хочу замолить. Нет мне прощения...

Иоанн Васильевич смиренно склонил главу, в духовенстве разросся ропот; взметнулись, заполоскались чёрные крылья широких рукавов ряс, а страшный бородач вместо отца наклонился к Ивану и крикнул неожиданно тонким весёлым голосом:

– Живы ещё, православные?!

Иван пробудился. В низком проёме темничной двери, согнувшись, стоял страж – молодой, с едва пробивающимся пушком над верхней губой, с румянцем во всю щеку, парень. Братья уже привыкли к суровым непроницаемым лицам молчаливых стражников, а этот был приветлив и словоохотлив.

– Тятя мой покойный вас сторожил! Мне заповедал вас не тиранить. Вы ведь не тати, не убивцы, а в народе бают – без вины явной тут томитесь...

С той поры, как заточили княжичей в темницу в монастыре под Вологдой, минуло три десятка лет. Им бы вымахать, раздюжеть в родовую княжую стать, но сейчас с лежанок со спальным тряпьем на стражника молча взирали два заросших длинным седым волосом высохших старца с бледно-матовой кожей на сморщенных лицах и забитыми в «железа» руками со вспухшими синими венами.

– Слыхал от людей – врать не будут – что в наши края скоро сам теперешний государь Василий Иоаннович с молодой женою Еленой пожалуют, – стражник, ловко орудуя черпаком, разливал из котла по глиняным мискам исходящее парком хлебово. – По монастырям, по церквам поедут молить Господа, чтобы наследника даровал. Монашествующим да попам – подарки, кандальникам иным – милость. И до вас, сердешных, даст Бог, доберутся!

Стражник затворил дверь, проскрежетал засовом. Димитрий, младший, с затеплившейся в глазах надеждой посмотрел на брата:

– Может, и вправду ослобонит нас двоюродничек-то Василий!

Иван чуть пригубил из лжицы хлебова да так

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 151

и зашёлся в выворачивающем нутро кашле, согнулся на лежаке крючком. На устах запузырилась розовая пена; когда поотпустило, просипел еле слышно:

– Не дождаться... То-то мне всё дядя наш Иоанн Васильевич снится. Кается он.

– Вражина этот, душегубец наш? – со злостью воскликнул Димитрий, жалостливо взиравший на брата.

Ах, кабы не старший брат, кем бы сейчас он, Димитрий, был? Грязным, невнятно мычавшим животным, с голодным ревом ловящим кусок хлеба, швырнутый стражником в приоткрытую дверь? Ведь рядом в тёмных норах узилища так и было: толстые каменные стены не могли схоронить душераздирающих криков.

Когда княжичей втолкнули сюда, в темницу, Димитрий хныкал беспомощно – на него тоже надели оковы; Иван же поставил на выступ в стене, куда падал из окошечка солнечный луч, подарок отца – иконку Богоматери «Всех Скорбящих Радосте». Как и сохранить её сумел! Не расставался ни денно, ни нощно. Потом упал на колени и зашептал слова молитвы.

Димитрий, остерегаясь лишний раз звякнуть цепью, отёр кулачком слёзы и подполз к брату. Оставалось уповать на Промысел Божий, надеяться, что вот-вот, не сегодня завтра, придёт отец и выведет отсюда, увезёт домой в чистые тёплые палаты.

В мальчишестве было проще – ждал-пождал отца да уткнулся лицом в плечо старшему брату. Войдя в юношескую пору, Димитрий как ещё страдал и метался!.. В узкое оконце темницы проникали весенние запахи, звуки, в монастырском саду пели птицы; в праздники ветер доносил с дальнего луга девичий смех и песни. Димитрий кричал, стучал кулаками, бился головой в узкую темничную дверь, бешено выкатив глаза, впивался ненавидящим взглядом в стоявшего на коленях перед иконой молящегося Ивана и сникал, обессиленный, падал на пол, стуча зубами, начинал повторять за братом слова молитв. Потом Иван, успокаивая его, разговаривал с ним о Боге, рассказывал о святых мучениках и страстотерпцах, о событиях минувших лет: рано овладев грамотой, старший княжич успел прочесть немало книг в отцовском древлехранилище.

Эх, брат, брат!

Вот и сейчас, почти на смертном одре, хватая жадно воздух, проговорил:

– Напрасно ты, брат, хулишь дядю-то нашего... Если б не его державная воля, пострадали ли бы мы во имя Господа... – едва послушной рукой Иван попытался сотворить крестное знамение. – Кем были бы мы в свете? Как дядья, как пращуры наши – удельные князья? Ради власти на клятвопреступление готовы, на братоубийство? Несть числа прелестям разным... А мы, пострадав безвинно, придёт время, соединимся со Христом чистою незапятнанною душою.

Прежде бы Димитрий стал возражать брату, но сейчас молчал и взирал на него со страхом: лицо Ивана покрылось испариной, он прошептал из последних сил:

– Игумена позови! Пострига желаю, монасем пред Господом хочу предстать.

Игумен со братией монастыря пришли незамедлительно; Димитрий, забившись в угол, напуганный заполнившим тесноту темницы многолюдством, пока облекали брата в схиму, чувствовал на себе его тёплый ласковый взгляд. Потом внезапно стало холодно, стыло...

Тело Ивана подняли и вперёд ногами понесли из темницы. Димитрий с плачем бросился следом, но перед ним, больно отшвырнув его назад, тяжело захлопнулась дверь.

(В лето 1528 от Р.Х.) Тяжек крест

Великий князь Василий Иоаннович с молодой супругой княгиней Еленой прибыли во град в самый праздник Рождества Христова.

Весёлый залихватский благовест разлился над Вологдой; радостно откликнулись монастырские колокола.

– Великий князь с княгинюшкой у нас! – распахнул, сияя, дверь темницы молодой стражник. – Наступил твой час, отче! Кто сам милости ищет, тот и других милует!

Димитрий от волнения больше не мог усидеть на месте: звеня цепью, день-деньской пробродил по своему узилищу, радуясь, но и жалея, что не дожил брат. В сумерках уж устал прислушиваться: не раздадутся ли за дверью шаги, не войдут ли посыльные от государя, а то и он сам – одной ведь с ним крови, чтобы явить милость, дать долгожданную свободу. Уж как бы за его самого и потомство его Димитрий стал Бога молить!

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 152

Так, в мечтах, в нетерпении Димитрий и уснул. Чуть в окошечке забрезжил серенький свет зимнего утра, узник опять был на ногах, опять метался по темнице. Где-то во граде все так же радостно, ликуя, трезвонили колокола, но не шёл тот, кого он ждал, и вести не подавал.

А на третий день с утра снаружи нависала обычная зимняя тишина, изредка нарушаемая сиротливым звяком одинокого колокола к началу службы в монастырском храме, стылым хрустом шагов монашествующей братии по заснеженной тропинке, голодным брехом псов.

Появился молодой стражник, сменил хмурых молчунов, и то с сочувствием поглядывающих в эти дни на узника. Страж был удручен, невесел, и Димитрий, бросившийся к нему, чуя худое, замер на полдороге.

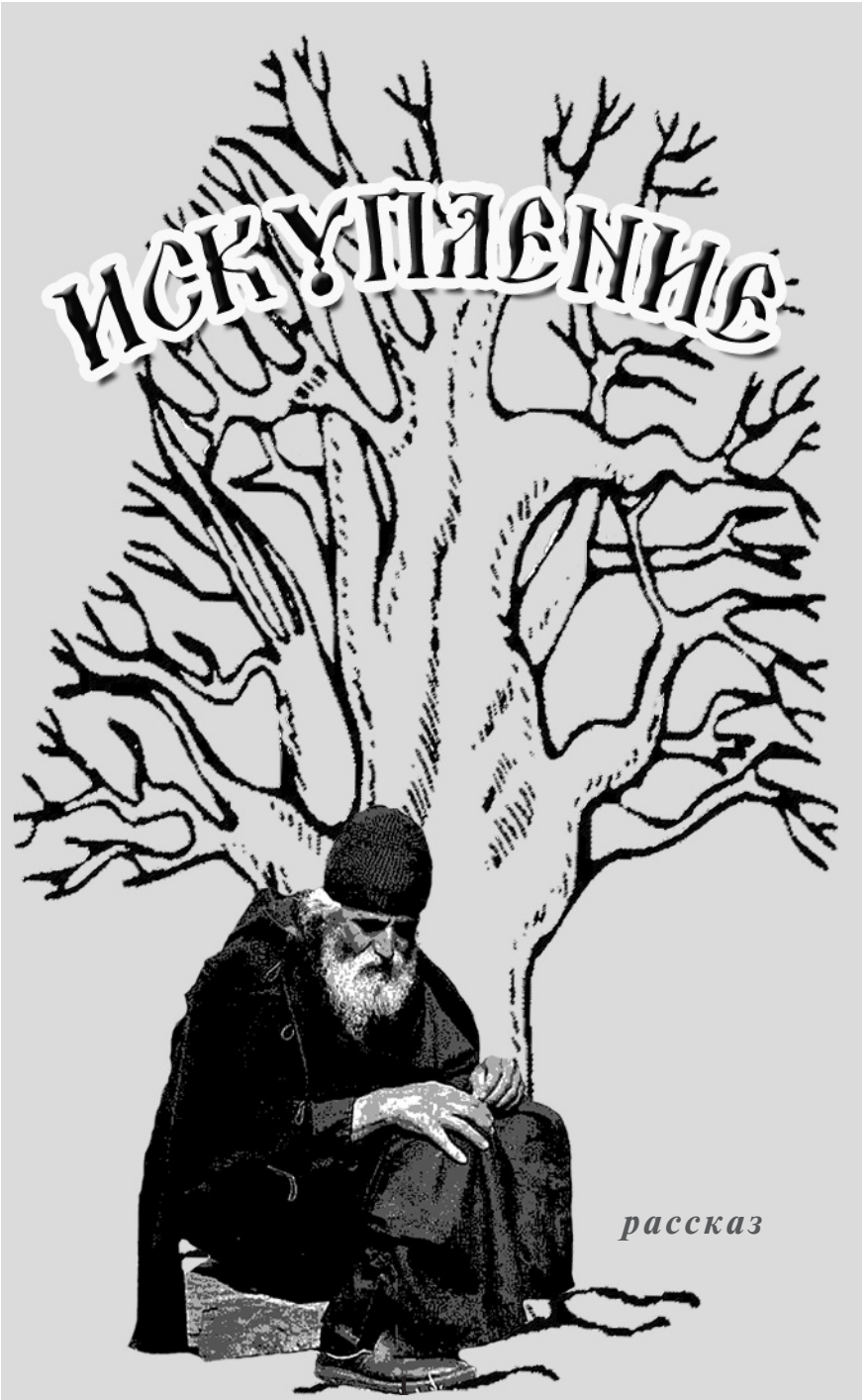
– Уехал государь в Москву, – тяжело ронял слова страж, потупив взгляд. – Стоял на службе здесь в монастыре, а о тебе, отче, и не вспомянул. Как нету тебя и не было!

Димитрий зашатался, упал ниц перед иконой, содрогнулся от несдерживаемых рыданий:

– Господи, тяжек крест ты на меня возложил! Мир не вспомнил обо мне, но и я забуду теперь об усладах и прелестях мирских, коих возжаждал! Одно упование на тебя у меня осталось! И прошу, Господи Иисусе, не карай тяжко обидчиков моих!..

Стражник во все глаза смотрел на затихшего, распластанного по полу старца и шептал еле слышно:

– Обет даю, отче... Уйду в монастырь, грамотешке меня тятенька обучил, опишу житие ваше с братом во славу Божию...



ИСКУШЕНИЕ

рассказ

Прозвище Болонка злые языки прилепили отцу Флегонту Одинцову уже в зрелых годах, будучи в протопопах, – приклеили намертво за его задорно ниспадающую на самые глаза седую, будто изваляннную в муке, чёлочку, за мелкую в кости, но чересчур подвижную фигурку, а пуще – за вспыльчивый нрав, когда старичок напоминал маленькую злобную собачонку, готовую отважно вцепиться в чью-нибудь широкую штанину. Хотя порывы эти отец Флегонт умел в себе

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 153

усмирить: тут же начинал безошибочно потявкивать в ту сторону, куда ветер дул, и за долгую службу ни разу не подвергся опале и все возможные награды получил.

Было ему за восемьдесят; в епархии давно числился за штатом, хотя в храме, где верховодили теперь молодые священники, ещё иногда служил.

Держал он «худобу» – в кирпичном тёплом гараже возле дома в стайке трескуче блеяли, стуча копытцами по настилу, две круторогие козы.

– Эх, миленькие животинки! – отец Флегонт каждое утро приносил им пойло и, наддав зелёного с клевером сенца, подлезал с ведёрком с натянутой поверху марлей к тугому козьему вымени.

И сегодня с дойкой старик управился споро, повесив на ворота гаража замок, бережно понес ведёрко с парным молоком через двор и с передышками на лестничных площадках взобрался на четвертый этаж.

Василиса ещё спала: в лицее – выходной. Отец Флегонт осторожно приоткрыл дверь в спальню и залюбовался разметавшейся во сне девушкой. Господи, как время летит! «И всё для неё, всё для неё...»

Пусть спит.

Есть ещё время погулять по улице. Старик любил этот ранний утренний час, особенно весной, когда ярко и радостно светило поднимавшееся солнце, под ногами похрустывал настывший за ночь в лужицах ледок, а уже с застрех крыш принималась робко звенеть капель. Отец Флегонт неторопливо брёл по улочке, даже не встречая ещё прохожих, – над крышами домов начинали только куриться из печных труб первые дымки. Доходил он всегда до приметного в улице места – стоящих в каре и намертво сцепившихся могучими сучьями столетних лип, под которыми голубел крашеной вагонкой на стенах дом, мало чем отличный от соседних. Но Одинцов помнил здесь, на этом месте, хоромы другие: двухэтажные, барские или купеческие, и до того ветхие, с провалившимися потолками и полами, что семья, заселенная сюда после революции, теснилась кое-как в паре комнат внизу.

В первую военную осень и направлялся сюда к зазнобушке на короткую побывку перед отправкой на фронт он, двадцатилетний лейтенант Флегонт Одинцов, пытаясь унять в себе противное тягостное чувство, неотступно сосущее сердце. Была тому причина...

Парашют, запрятанный под болотную мшистую кочку, нашёл поздний грибник. Диковинный роскошный трофей он протащил напоказ по пристанционному поселку и напоролся на участкового милиционера. Тот недолго соображал, что к чему: хвастуна – за ушко и звякнул по телефону куда надо.

Взвод солдат прочесывать лес повели два лейтенанта НКВД – только что после училища – Клинов и Одинцов. Ещё сельсоветчики снарядили им в подмогу десятка два переполненных боевым духом стариков, свистнули и допризывную молодёжку, комсомольцев. Винтовки были только у солдат, по пистолету – у лейтенантов, остальные вооружились кто чем: вилами, колами, топорами.

Но трое парашютистов с высоко поднятыми руками сами вышли на опушку леса.

К Клинову, засевшему в кабинете председателя сельсовета, на допрос их водили поодиночке. Флегонт прошёл в предбанник, прислушался. Из-за неплотно прикрытой двери доносились громкие восклицания Клинова вперемешку с матюгами. Сквозь щель Одинцов увидел лицо однокашника, злое, с выступившими на скулах багровыми пятнами.

– Ты будешь говорить правду, гад?!

Капризный, красиво очерченный рот Клинова хищно кривился, блестящие белые зубы закусывали алую нижнюю губу. Лейтенант отклонился назад и смачно, с оттяжкой, пнул острым носком сапога в какой-то тёмный мешок, лежащий на полу. Раздался стон, и Одинцов, обмирая, различил окровавленного человека, шевелившегося возле ног Клинова.

– Будешь говорить?! Будешь говорить?! – пылая разрумянившимися щеками, всё больше распалялся Клинов, волтузя сапогами дёргавшееся на полу скрюченное тело.

Человек, страшно вскрикнув, поднялся на колени и на четвереньках, запрокидывая залитое кровью распухшее лицо, пополз к Одинцову. Тот не заметил, что дверь предательски отворилась и он, остолбенелый, торчит на пороге на самом виду.

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 154

– Товарищ милый, дорогой! Вы хоть мне поверьте! Мне, командиру Красной армии! Не было иной возможности из плена бежать... Мы же сразу сдались вам. Чего же ещё он хочет?!

По разбитому лицу диверсанта текли слёзы, прожигая в запекшейся кровавой коросте на щеках светлые проточины. Он, обнимая Одинцова за ноги, ещё что-то шептал распухшими чёрными губами. Флегонт наклонился, чтобы помочь ему подняться, но, вздрогнув от окрика и топота солдатских сапог, поспешно выпрямился, пряча, как школьник, за спиной руки.

Солдаты, подхватив пленного под локти, оттащили его в дальний угол кабинета. Клинов, ехидно улыбаясь, подошёл к Одинцову вплотную, уставился ему в глаза своим холодно-голубым взглядом.

– Врагов жалеем? Вон как жалость-то проняла! В училище ещё я к тебе присматривался: вроде как не наш ты... Смотри, рапорт подам!

Пленных увезли.

Растерянный Флегонт забыл в предбаннике планшетку, пришлось вернуться. Там вовсю орудовала уборщица.

– Кровищи-то налили, забрызгали всё, даже стены! – ворчала старуха. – Били пленённых-то крепко. Криком кричали, сердешные. Солдатик забежал ко мне – дай, бабка, тряпку! И затёрли второпях, худо... Перемывать надо.

Одинцов заметил посередине тёмного пятна у ножки стола в кабинете белый комочек. Зуб!

– Я уж выгребла не один... – старуха, подняв зуб, бросила его в своё ведро...

В Городке, после встречи с невестой Варей, после поцелуев, объятий, ласковых слов, Флегонт вроде б как подзабыл злорадное обещание Клинова написать рапорт. Но пролетел день – и Одинцов не находил себе места.

Ночью плохо спалось. Он, стараясь не потревожить Варю, вылез из-под одеяла, ёжась, торопливо натянул обмундирование.

За окном густел непроглядный сумрак, долго ещё было до зябкого серенького рассвета. На крыльце на холоде не рассидишься, и Флегонт, выкурив папиросу, поспешил обратно в уют Вариной комнаты, но по берущим за душу своим скрипом рассохшимся половицам в длинном коридоре старался ступать как можно тише, чтобы кого-нибудь не потревожить.

И тут он услышал наверху, на втором этаже, шаркающие, неспешные шаги, даже почудилось, что кашлял кто-то. Знать, не одному Флегонту в раннюю пору не спалось. Одинцов подумал на хозяйку дома, дальнюю родственницу Вари – Анну Гасилову, уже в годах женщину, но потом, вечером, подметил, что хозяйка с сыновьями-подростками и дочерью готовятся к ночлегу в смежной с Вариной комнате.

– Наверху никто не живёт, – ответила на вопрос Варя.

Но Флегонт на другое утро спозаранок пробрался по коридору так, чтоб уж точно ни одна доска в полу не скрипнула, бесшумно взобрался по лестнице – изучил её ступеньки днём.

За тяжёлой, с трудом поддавшейся дверью в ноздри ударил запах керосиновой гари, возле белеющей в темноте печи затрепетало пятно света, Флегонт успел заметить тень, отбрасываемую чьей-то согбенной фигурой с «летучей мышью» в руке. Минута – и всё исчезло.

Одинцов прокрался к тому месту, долго шарил ладонями по гладко отёсанной стене, пытаясь нащупать дверной проём, – напрасно. Заглянул он и в незапертые комнаты – пусто, лишь кучи всякого хлама угадывались в потёмках.

Флегонт уж начал прощупывать кирпичи печи, извозив руки в побелке, но забрезживший в окнах рассвет заставил его ретироваться – не увидел бы кто из жильцов.

Первой мыслью Одинцова было – шапку в охапку! – и рвануть в местный отдел НКВД. Он даже предвкушал, как затаившегося злобного врага выкуривают из дома. Надо – по брёвнышку хоромы раскатят и овчарку приволокут, чтобы унюхала! Но приутих – вдруг просто померещилось, поблазнило спросонок. На смех поднимут!

– Сам всё разведаю! – твёрдо и отважно решил Флегонт.

Варя, хлебнув чайку, собралась на работу быстро, Флегонт пошёл провожать её, оставив незапертыми дверь и окно в комнате. Свернув за угол, он, вроде как всполошившись, вспомнил об этом.

– Воровать-то там нечего, – попыталась ус-

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 155

покоить его Варя, но Одинцов с озабоченным видом поспешил обратно.

За сарайками, за высоким плотным забором, да ещё пригнувшись, можно проскочить в дом незамеченным – Флегонт точно рассчитал. Растворив окно, он забрался в комнату и затих. Лестница, ведущая наверх, была возле стенки, так что самый тихий звук чьих-нибудь шагов по ней был бы отчётливо слышен.

Хлопали двери, топились печи. Хозяйка со своими чадами готовила еду, обряжала скотину. Долог показался Одинцову день. Флегонт уж поклёвывал носом и уснул бы, но тут услышал скрип ступенек лестницы – кто-то поднимался по ней. Одинцов осторожно выглянул и, дождавшись хлопка двери наверху, взлетел по ступенькам следом. И вовремя – Гасилиха стояла к Одинцову спиной в проёме открывшейся возле печи потайной дверцы.

– Руки вверх! Не двигаться! – срывающимся фальцетом истошно взвизгнул Флегонт и, подскочив, сунул ойкнувшей хозяйке под бок ствол пистолета.

Брякнулась об пол кастрюля, раскатилась исходящая парком рассыпчатая картошка; стоявший посреди крохотной комнатушки высохший, заросший седым волосом старичок захлупал глазами, как сова, вытащенная на свет.

Бояться было нечего – руки старика пусты, в комнате он один.

Гасилиха опамятовалась, покосилась испуганно любопытным глазом на Одинцова.

– Флегонт Иваныч, ты бы убрал наган подальше от греха. Не ровен час – пульнёшь! А это... свояк мой, всё хотела знакомство с тобою свести, да больной он, почти не встаёт.

– Документики имеются? – прервал воркотню хозяйки Флегонт.

– Как же, всё есть. Печник он бывший, раньше-то мастер нарасхват, а ноне... – обречённо махнула Гасилиха рукой и обратилась к старику: – Ты бы прилёг, Андреюшко, а мы вниз пойдём!

Флегонт, спрятав пистолет, по-настоящему разглядел деда, пока хозяйка усаживала того на кровать и поила из кружки остывшим чаем, – присмотрелся, что пальцы у гасилихиного свояка тонкие и длинные, с бледно-матовой кожей – нет, не такие у печников, у тех раздавленные, избитые. Но пуще – в облике старика почудилось что-то знакомое.

«Не убежит никуда, песок сыплется!» – решил Флегонт, но пока на всякий пожарный случай замок на дверь навесил и ключ в карман опустил. Нужно было придумать, что с дедом делать, главное – вспомнить, где встречал его.

Одинцов мучительно напрягал память, перебирая увиденные ранее лица, отвечал недовольно и невпопад Варе. Несколько раз в комнату за какой-либо надобностью заходила Гасилиха, садилась напротив Флегонта и, сложив на коленях большие натруженные руки, смотрела на него настороженно и умоляюще.

И он наконец вспомнил! Конечно, в ту пору старик был много покрепче и побойчей, и вид у него был не как сейчас – беспомощный и жалкий, а строгий и недоступный. Это же владыка Ферапонт! Викарный архиерей из города, в котором родился Одинцов. Что в детстве запомнилось – никогда не забудется! Он тогда стоял возле собора в высоком чёрном клобуке и с посохом в руке!

Флегонт, ликуя, что память не дала сбоя, даже напружинился весь, готовый конвоировать старика куда надо. «Все они, «духовные», враги народа, нынче по лагерям, а этот, значит, затаился под чужими документами, тоже мне хозяйкин свояк! Тут и на обещанный Клиновым рапорт начальство, пожалуй, особо смотреть не будет. Такая птичка попалась!» – думал Флегонт.

– Вы епископ Ферапонт? – отомкнув замок, прямо с порога громко спросил Одинцов. И был удивлен: владыка не стал запираться.

– Да, – глухо ответил он и перекрестился на «красный» угол, где перед иконами тускло мерцал огонёк лампады. – Вот и мой черед настал, – владыка стал тихо произносить слова молитвы.

Флегонт подошёл к окну, отдернул занавеску. Во дворе шумно боролись гасилихины пацаны, сама хозяйка, на пару с дочерью снимая высохшее бельё, с тревогою поглядывала на окна.

«А ведь и их тоже всех... – мелькнула мысль у Одинцова, – укрывали...»

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 156

Владыка Ферапонт, завершив молитву, обернулся, и луч солнца из-за занавески пролился на его бескровное, с чётко выделявшимися старческими коричневыми пятнами лицо, заставил затрепетать ресницы.

А Одинцов вдруг представил себе разбитое в кровь лицо того пленного «диверсанта», в смертном отчаянии обхватившего его колени... Нет, больше этого не будет!

Он подошёл к архиерею и, сложив ладони, приклонив голову, попросил:

– Благословите, владыко! Мне на фронт идти. – И ощутил почти невесомую ладонь на своем затылке.

На станцию возвращался Флегонт следующим утром – кончилась побывка. Он ещё не знал, не ведал, что поздним вечером того же дня, когда допрашивали диверсантов, во время бомбёжки станции шальным осколком был убит лейтенант Клинов.

2

Флегонт всё-таки втайне гордился тем, что не «сдал» на лютую расправу немощного старика епископа Ферапонта, хотя ни разу об этом никому не рассказывал. Опасался по привычке...

В конце войны его вдруг вызвали к высокому начальнику. Одинцов был уже не зелёным младшим лейтенантом, а бывалым капитаном СМЕРШа, но шёл туда с откровенным страхом – слыхал, что многие и из «своих» оттуда не возвращались, а куда девались – догадывались все, да помалкивали. Начальника того он видел как-то мельком, и то издали: в защитном френче без погон вышел тот из «эмки», плотно загороженный спинами челяди, и тут же исчез в подъезде управления – пузатый, коротконогий толстячок с огромной сверкающей лысиной.

Выслушав доклад еле пересилившего сушь в горле Одинцова, толстяк, мягко ступая, отошёл от полузашторенного окна; Флегонт, избегая взгляда бесцветных, ничего не выражающих глазок, уставился поверх – на торчащие по обе стороны лысины вихры жёстких, как грубая щетина, волос.

– Капитан, ты крещёный? – огорошил толстяк вопросом.

Одинцов замямлил растерянно, что, мол, не помнит толком: может быть, бабка его в неразумном младенческом возрасте и таскала в церковь крестить, а сам вдруг отчётливо, словно наяву, увидал укрывавшегося в потайной каморке архиерея и почувствовал, как побежали зябкие мурашки по спине – наверное, всё стало известно. Показалось даже, что скрипнула позади дверь и вот-вот кто-то схватит его за локти и заломит руки назад.

Но толстяк приветливо кивнул на стул, приглашая присесть; сам устроился в кресле за столом.

– Так это ещё лучше, – он нацепил на картошину носа пенсне. – Для ответственного задания, какое мы хотим вам поручить... Война кончается, фрицам каюк, но на идеологическом фронте, сам знаешь, капитан, мира не предвидится. Вон за войну сколько церквей пришлось пооткрывать, а кто же за служителями их длинногривыми присматривать будет? Особо за старыми, из лагерей выпущенными недобитками? То-то! – толстяк, видимо, для пущей убедительности потряс перед собой коротким, будто обрубленным, указательным пальцем и ткнул им в лицо Одинцову. – Выслушай задание, капитан!

Одинцов поспешно встал, вытянулся, прищёлкнув каблуками.

– А это уже будет ни к чему! Надо отвыкать напрочь! – довольный, хмыкнул толстяк. – Нужен нам среди длинногривых свой, сподручнее ему будет за ними приглядывать, в душу влезать. Так что принимай, капитан, другой облик, не всё тебе диверсантов и дезертиров ловить!

– Как? Да я... Я и в Бога-то не приучен верить! – совсем растерялся Флегонт.

– Надо будет – поверишь! Выполняйте приказ! Инструкции получите в кабинете... – толстяк назвал номер и, нажав кнопку на столе, кивнул выросшему на пороге дежурному: – Проводи!

Выходя из кабинета, Одинцов оглянулся. Толстяк, закуривая, опять отходил к окну; в просвет между плотными шторами проглянуло солнце, и на противоположной стене зако-

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 157

лебалась тень – чёрный дымящий шар головы с остро торчащими рогами. Показалось, опахнуло не запахом дорогого табака, а серой...

На другой день Флегонт в застиранной заштопанной гимнастёрке стоял на службе в открытом недавно храме на окраине полуразрушенного города, косясь на закутанных в чёрные платки старух, неуверенною рукою пытался сотворить крестное знамение и как-то бездумно просил у того, в кого не веровал, помощи на неправое дело.

Неправым то, что он тогда начинал добросовестно исполнять, Одинцов стал считать много позже, а пока потихонечку втягивался в таинственную церковную жизнь, ни на минуту не забывая, зачем был поставлен – «глаза и уши» работали у него исправно и безотказно.

Только вот со временем беда приключилась... Одинцов порою ощущал, как его буквально раздирало надвое привычное чувство долга и «ростки веры». В детстве заложенные богомольной бабкой семена, присыпанные толстым слоем мёртвого пепла, где-то в сокровенной глубине души, оживая, прорастали и потихонечку пробивались к свету.

Того толстяка – «рогатого беса» – арестовали, объявив его, естественно, «врагом народа», а вместе с ним и целую цепочку подчинённых. Одинцов всё время не забывал, что он – одно из её малых звенышек и что уж если её потянули...

В выстуженном морозом храме, где не то что мало-мальский звук, но и слабый шорох чётко отдавался под высокими сводами, Одинцов молился один. Робко теплились в полумраке огоньки свечей перед иконой Спасителя, отражались в серебристом венчике над потемневшим древним ликом; Флегонт, стоя на коленях, бил и бил земные поклоны, сокрушаясь сердцем, шептал страстные слова молитв. Ему казалось, сто́ит только выйти из-под спасительной сени Божьего храма – и тут же, не позволив ступить и шагу, его на паперти жестоко схватят и повлекут в ночь железные, не знающие ни малейшей жалости руки, попробуй дёрнись или вскрикни – тотчас промеж лопаток больно и страшно упрётся холодная сталь оружия. И возврата не будет, а лишь адовы муки, после которых пуля – желанное избавление.

Одинцов облизывал с губ солёную влагу, но слёзы опять и опять застилали ему глаза, и, в конце концов, он обессиленно распростёрся ниц на холодных каменных плитах пола.

Обошла чаша сия, не тронули... Господь сохранил раба неразумного.

Сколько уж с той поры минуло лет? Казалось, очень много. Теперь «перестроенный» народ валом повалил в распахнутые двери храмов и помолиться, и просто из любопытства. Никто в открытую не насмехался над служителем культа, чернеющем в людном месте широкополой рясой, не передразнивал и не улюлюкал вслед. Даже самые отпетые безбожники, не желая выглядеть дураками и отставать от крутых перемен в жизни, напускали на себя смиренный и почтительный вид и по новой «моде» приглашали священнослужителей освящать новостройки, мосты, квартиры, самолёты, виллы, рынки, под стрёкот телекамер готовно подставляли довольные умильные рожи под кропило батюшке.

3

Родители Василисы, воспитанницы отца Флегонта, погибли в одночасье в автомобильной катастрофе. Батюшку, дальнего родственника, пригласили их отпевать, даже машину за ним и матушкой его прислали. Новопреставленных – молодых ещё людей – отец Флегонт при их жизни не знал, поэтому потом, за поминальной трапезой, помалкивал, пригубив вина из стакана, разглядывал незнакомые лица.

Лет семи девчонку в чёрной косынке, из-под которой выбивались жидкие хвостики косичек, подвела к столу молодая женщина с усталым измученным выражением на исплаканном бледном лице.

Девчушка нетерпеливо высвободила из её руки свою ладошку, подбежала к улыбнувшемуся отцу Флегонту и затеребила его за рукав:

– Дедушка, ты старенький и всё знаешь... Скажи, когда папа с мамой приедут?

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 158

– Василиса! – одёрнула её женщина, но девчонка, уже смело забравшись к Одинцову на колени, тихо смеясь, тянулась потрогать его бороду. Тогда женщина, вздохнув, опустилась на пустующий стул рядом.

– Не знаю, куда её и деть... Школьная подруга я мамы-то её. Мне уезжать вот-вот надо, на другой край страны. У одних родных просила, у других, чтобы за девочкой присмотрели, пока документы в детдом оформляют, и никто не берётся.

Женщина произнесла слово «детдом» чуть слышно; отец Флегонт скорее догадался по губам. Он с жалостью поглядел на девочку, с его колен тянувшуюся ручонкой к большому румянобокому яблоку на блюде посреди стола, и, может, даже неожиданно для себя спросил:

– Хочешь погостить у нас?

Девчушка радостно кивнула.

Потом, всю обратную дорогу поглядывая на заснувшую рядом на сиденье девочку, отец Флегонт толковал матушке:

– Всё веселей и поваднее нашей внучке Верочке с нею будет! Угла не объест, пусть хоть перед детдомом поживёт...

Попадья помалкивала, отводила, насупившись, глаза в сторонку, но Одинцов как бы не замечал этого...

Девчонки-одногодки сдружились, летние деньки промелькнули быстро. Веру увезли родители, а над Василисой отец Флегонт надумал оформить опекунство.

Матушка такое решение встретила в штыки:

– Сдурел на старости лет! Было б хоть что опекать, а тут, окромя битой машины, ни гроша! Лучше б о родных детях и внуках позаботился!

Но Одинцов всё равно решил сделать по-своему, вздохнул только, взглянув на дородную седовласую, с мясистым лоснящимся лицом надувшуюся попадью – мало чего осталось в ней от прежней Вари-Вареньки, что ждала его когда-то давно с фронта в большом старом доме на окраине Городка.

– Если не отвезёшь девчонку, – матушка не уточняла куда, а лишь угрозливо постукивала пальцем по столешнице, – я тогда уеду к дочерям. Посмотрим, как ты с ней крутиться будешь!

И сдержала слово. Только вовсе туго отцу Флегонту с Василисой не пришлось – обиходить девчонку стали помогать ему старушки из обслуги храма, да и сам батюшка супишко и кашу сварить, постирушку устроить не брезговал: матушка и прежде частенько погостить у дочек в Москву или в Питер отлучалась. В школу Василису за руку он повёл сам, помогая девчонке удерживать большущий букет цветов.

Наведывалась матушка, навещали дочери, но уже чем дальше – тем реже перемигивались за столом, шептались по углам, покручивая пальцем у виска. Заботило другое – отцу Флегонту было порядочно годков, мало ли что... Неужели по стариковской своей дури отпишет всё, что накоплено, чужачке?!

Одинцов лишь усмехался, видя напускную ласковость на лицах дочерей и плохо скрываемую злость на лице матушки, подмечал, что чувствует это и переживает больно Василиса, и вот это-то и сблизило их – старого и малую. А тем, родным, было все невдомёк.

И ещё думки одной, овладевшей им неотступно, не высказал родне, да и никому, отец Флегонт: в благостное время молитвы к Богу пришла она. «А что, если воспитаю сироту, помогу подняться – ведь зачтётся мне там, на страшном суде Господнем? Прошлые мои грехи, тяжкие и смертные, может, искуплены будут?!»

С надеждой и упованием поднимал он влажные глаза на образ Спасителя.

4

В последнее время отец Флегонт мог долго сидеть, прижавшись спиной к шершавой грубой коре ствола старой липы, под которой притулилась лавочка. Он прикрывал глаза, подставив лицо нежарким лучам закатывающегося за дальний синий бор солнца. Вот так, с закрытыми глазами, в тишине, Одинцов легко перемещал, прокручивал в памяти всю свою долгую жизнь, и чем ближе сдвигалась она к началу, тем свежее и красочнее вставало перед мысленным взором то или иное.

Он отчётливо увидел вдруг сияющие позоло-

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 159

той где-то в недосягаемой вышине купола собора в большом городе – городе его детства. Внутри обширной ограды вокруг храма толпился народ, но лица многих были не просветленно-чистые, а злые, красные, потные, хоть и отмечался церковный праздник. Флегошу бы, пожалуй, в толчее стоптали – под стол ещё пешком ходил, но бабушка его, шустрая старушонка, сумела пролезть с внуком на самый край посыпанной свежим песком и забросанной цветами вперемешку с травой тропинки, на которую не смели ступать, хоть и вдоль неё одни орали, другие крестились.

Шум внезапно смолк, когда на тропинке показался опирающийся на посох старичок в чёрном одеянии и высоком монашеском клобуке – владыка Ферапонт. Но никто не встречал его у восходящей ступени вверх паперти. Окованные железом врата храма с гулким хлопком стремительно затворились, снаружи перед ними встали люди в кожаных куртках, и средь них – ухмыляющиеся криво попы-обновленцы.

– Гады! Пустите архиерея! – заорал возле Флегоши нищий, и тотчас молодой здоровяк из толпы сунул кулачищем ему в ухо.

Поднялась сумятица. Флегоша видел, как владыку Ферапонта подхватили под руки двое, пытаясь вывести его из толчеи. По щекам в седенькую бородку архиерея скатывались слезинки.

– Опомнитесь! Пожнёте плоды горькие!

Да разве слышал кто его слабый голос в разгорячённой толпе!

Архиерейский возок куда-то делся, на месте его стоял автомобиль с хмурыми людьми в штатском. Владыка споткнулся, незряче выставил перед собой руки. Едва его усадили промеж двух угрюмых усачей, автомобиль, выпустив облачко сизой гари, резко взял с места. А в церковной ограде всё не могла утихомириться, бушевала толпа...

Отец Флегонт очнулся от забытья, тут же обмер сердцем, вспомнив о Василисе.

Прежде он каждый вечер ездил на вокзал к приходу поезда – ещё неделю бы назад Василиса должна была вернуться из турпоездки в Питер, а всё ни слуху ни духу. Отец Флегонт дожидался, пока с перрона не разойдутся последние пассажиры, и, удручённый, возвращался. Хотел уж заявить в розыск, но удерживался, неудобно как-то: что люди в Городке подумают, какие сплетни поползут!.. Может, она у родни загостилась? Да примут ли её, держи карман шире...

Всё этот ее одноклассник, «новый русский», деда-дезертира которого наверняка приходилось в молодости в войну по лесам гонять! Вился вьюном возле Василиски, глазами ел и охмурил девчонку!.. Позор! И что ей ещё надо?! В гараже новенькая иномарка стоит в подарок: всем любопытным сказано, что Василиса выиграла главный приз на «Поле чудес», пусть и ухмылялись люди – не видал что-то никто её в той телепередаче. Всё для неё! «Подниму Василису – вину свою искуплю!» – только эти слова в голове Одинцова всё время и толклись.

Отец Флегонт, по-прежнему прижимаясь спиной к стволу липы, поднял глаза на сияющие в прощальных лучах солнца кресты на куполах храма: на блекло-фиолетовом фоне вечернего неба они, казалось, трепетали, потом вдруг, теряя очертания, расплылись...

Кто-то бережно обнимал старика, целовал в щеки мокрыми горячими губами, знакомо шептал: «Де-да, дедушка!»

– Василиса! Вернулась... – тихой радостью ещё успело встрепенуться у старого священника сердце.

А в осветившемся, как ясным днём, проёме ворот церковной ограды он узрел идущего к нему навстречу владыку Ферапонта в чёрном одеянии и высоком клобуке...

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 160

ЗНАМЕНИЕ

повесть

Видение отцу Андрею. 1921 год

— Да хоть голову рубите, всё равно в «живцы» не загоните!

Отец Андрей уронил свою косматую, в прядях седины, голову на стол перед сидящим за ним уполномоченным так, что тот – черняВый парень – с видимым испугом отпрянул.

Брат Аркадий, взмахивая широкими раструбами рукавов рясы, подбежал к отцу Андрею, тряхнул за плечи:

– В своём ли ты уме, так-то говоришь?! Опомнись!

– Отойди, отступник! Иуда!

Председатель горсовета и двое дюжих огэпэушников, приехавших с уполномоченным из Вологды, угрюмо молчали.

Вывели-таки старого попа из себя. Сухонький, невысокого ростика, он отвечал невозмутимо, скупо. Поначалу сулили ему чуть ли не златые горы, если в «обновленческую» церковь перейдёт, на брата указывали – правильно, мол, понимает момент товарищ. Иногда, правда, поправлялись: «гражданин поп».

Аркадий, широкоплечий – подрясник по швам трещит, голова в крупных кольцах смоляных волос, отца Андрея помладше едва ли не на двадцать лет, – кивал согласно, норовил в агитацию свои слова вставить.

Не проняли посулы старшего Введенского – посыпались угрозы. И тогда отец Андрей вспылил...

– Вот что! – нарушил тишину пожилой вислоусый огэпэушник и тяжёлыми шагами, заложив руки за спину, стал вымерять горенку. – С сегодняшнего дня храм закрывается, помещение передается горсовету под склад. Постановление...

Он протянул руку, и председатель, услужливо согнувшись, подсунул ему лист бумаги:

– Ознакомься... По просьбам трудящихся.

– Завтра же престольный праздник! – глянул на него с недоумением отец Андрей. – Со всей округи народ придёт!

– Придёт да уйдёт! – усмехнулся огэпэушник. – Отменяется ваш праздник! А ты, батя, собирай-ка по-шустрому манатки, с нами прокатишься!

Попрощаться с домочадцами не дали. На улице в скорых зимних сумерках у распахнутых настежь ворот церковной ограды таился крытый во-

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 161

зок, запряжённый тройкой сытых ухоженных лошадей. Отец Андрей шагнул было к тропинке, ведущей к поповскому дому, но за спиной батюшки вислоусый, воровато озираясь, подмигнул напарникам. Один вместе с ним подхватил священника под локти, а другой, молодой, шмыгнув за ворота, что есть силы толкнул от себя кованую створку.

Отец Андрей вдруг почувствовал, что не касается ногами земли, единственное, что ещё он успел сделать – запрокинул назад голову, оберегаясь от летящих навстречу чугунных граней причудливых узоров калитки. В глазах ослепительно ярко рассыпалось что-то круглое, похожее на солнце, растеклось кровавым маревом и схлынуло разом в чёрную пустоту.

Удар был сильным: крепкие мужики, приподнявшие и выставившие перед собой священника наподобие щита, еле устояли на ногах.

– Здоров ты, Ежкин-Стежкин! – похвалил юнца вислоусый. – Давай-ко попа в сани! Пригоним – и в ледник его! Очухается, подморозится – на всё согласен будет. Да и про ценности церковные, что успел от нас утаить, заодно вспомнит!

– Праздничку-то, ить, точно не бывать! – хмыкнул юнец. – Занемог батюшка-то.

– А-а! – вислоусый, довольный, хлопнул парня по плечу. – Погнали!

Отъехали немного, и кто-то увидел метавшуюся в проеме ворот фигуру в раздуваемой ветром колоколом рясе.

– Братец не видал, как мы его?..

– А и видал дак... Наш ведь человек, – усмехнулся вислоусый и лениво зевнул.

Отца Андрея разбудил, вывел из забытья нестерпимый, поднимающийся снизу по ногам холод. Он тысячами игл впивался в кожу, ранил её, ломил изведенные ревматизмом суставы, но, подобравшись к грудине, споткнулся словно и надавил жгучей, не позволяющей глубоко вздохнуть болью.

Священник, боясь пошевелиться, осторожно разрывая жесткую коростину на лице, разлепил веки и ничего не увидел. По-прежнему вокруг была тьма, лишь обоняние уловило запах старого слежалого льда и примешивающийся к нему – крови. Отец Андрей отшатнулся, охнул от боли в груди, окоченевшие ноги его подкосились, но он не упал, даже не сдвинулся с места: что-то прочно удерживало его. Он приложился щекой и ощутил продолговатое железное кольцо, в нём – замкнутое – другое и понял, что висит на цепи, ввинченной в потолок. Она-то, зацепленная за пояс крюком, царапающим острием ребро, и держала. Расстегни бы пояс и освободись – да не тут-то было: руки связаны за спиной и их затёкшие кисти как чужие.

Отец Андрей с содроганием догадался вдруг, где находится. Наверняка это был тот самый купеческий ледник, о котором в Городке ходили страшные слухи – откуда и слежавшийся лёд, и запах крови. Батюшка на миг представил злобные лица чекистов, почувствовал сжавшие ему локти сильные руки, и опять кованая, в узорах, створка ворот летела навстречу...

«Изверги, хоть бы на пол бросили умирать! На каменном-то недолго б промучился! Нет, подвесили на крюк, как тушу... Может, здесь ещё кто православный страдает?» – он с надеждой несмело вопросил в темноту, но слабый его зов прозвучал одиноко и беспомощно, зато отголоски, отлетев от стен, гоготнули зловеще.

«Всё! Изведи из темницы душу мою... Прости мне, Господи, все грехи мои и прегрешения!»

Холод теперь обволакивал и боль в груди, она стала утихать. Священник, уронив голову и прикрыв глаза, еле шевеля непослушными распухшими губами, начал было читать отходную молитву, как неосязаемо, будто в полусне, ощутил льющийся откуда-то сверху свет, и в тёплом, радужном мареве, весь трепеща, различил знакомые и родные с детства пологие низкие холмы. На одном из них в окружении неглубокого ровика, заполненного водой, стояла убогая избёнка с куполком и крестиком на крыше.

Отец Андрей привычно поискал взором церковь, но её не было! На том месте избушка и чернела. Он странным непостижимым образом перенёсся близко к ней, даже смог заглянуть в крохотное оконце и поразился, увидев внутри изможденного человека в заношенной, в заплатках, монашеской одежде. Чернец пошевелился и звякнул цепью, спускающейся с потолка и прикованной к железному обручу на его чреслах. Отец Андрей не мог поверить в то, что видел. Дело в том, что он знал, кто был перед ним...

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 162

1612 год

Жителям Городища иссохший, с веригами на теле, в ветхом одеянии монах примелькался скоро; некоторые с немалым трудом узнали в нём выкурнувшего невесть откуда посадского мастерового Ганьку Подкидыша. Однако на прозвище он не откликался, а называл себя полученным при постриге именем гордым и звучным – Галактион.

И уже давали ему по щедротам кто бревнышко, кто жердину, чтоб успел до зимы доладить келью. Место он выбрал за городским валом, с краю посада, на пустом бугре, окружённом низинами с журчащими в них ключами. Едва достроил низкую, с куполком на коньке крыши келейку, принялся орудовать лопатой – окружать своё обиталище рвом и, когда вода из ключей заполнила ров, попросил у кузнеца сделать длинную тяжелую цепь и приковал себя к потолку кельи. Никуда больше не выходил.

Народ на посаде жил небогатый да сердобольный. Любопытные ребятёнки порассказали матерям о сидящем на цепи, дни и ночи напролёт молящемся чернеце, и те, крестясь и приговаривая испуганно-уважительно: «Гле-ко, спасается-то сердешный как!», стали посылать с отроками узелки со снедью: с голоду не помер бы.

Но Галактион, звякая цепью, подходил к окошку и молвил тихо:

– Спаси Бог за милостыню... Не желаю быть нахлебником, несите кожу – сапоги тачать стану, чай, не разучился!

Он не пошёл, как иные из братий, из монастыря по топям и чащобам звериными тропами искать уединения для молитвенной беседы с Богом. Он возвернулся в свой Городок, куда когда-то давно был привезен ещё несмышленым чадом и никак не мог взять в толк, почему после чистых высоких палат оставил его дядька Иван в тесной, пропахшей кожами и дёгтем, избе. И сам пропал.

Отрок прижился в чужой семье: хозяина с хозяйкой вскоре стал называть тятей и мамой, и те уж не отличали его от своих кровных детушек. Семейство пробивалось сапожничаньем, ремеслу обучился и подкидыш.

Вошёл Ганька в лета, и сосватали, оженили его на посадской красавице.

Недолго пожил Ганька с молодой женой: в одночасье преставилась она, сгорев в страшной лихоманке. Подкидыш словно умом тронулся: бродил по Городку пугающей безмолвной тенью, исхудалый, в изодранной в клочья одежде, грязный. Его жалели; как ни старались, не могли добиться ни слова, а когда он однажды запропал, подумали: не наложил ли на себя руки, не продал ли душу диаволу, – и облегчённо вздохнули, когда кто-то из земляков заметил его в послушниках в дальнем монастыре.

«Туда ему и дорога! – рассудили. – Всё одно средь нас не жилец...»

Однажды всколыхнуло Городище: нагрянул шибко важный боярин аж из самой Первопрестольной от грозного царя с отрядом ратников; местный воевода дрожал как лист осиновый.

Рыскали не понять и кого, вроде б какого-то княжого сына, и не сразу раскумекали людишки: ищут-то Ганьку Подкидыша. Отряд умчался шарить по окрестным монастырям, а из народишка кое-кто испуганно крестился: не зашибли бы сановные малахольного, коли сыщут.

Да уберёгся, видать, Ганька то ли плахи, то ли чести, раз вернулся обратно. А вот зачем принялся изнурять, не жалеючи, плоть свою железом, не ведал никто, кроме него самого.

Он часа своего ждал...

Как-то, ещё в монастыре, за вечерней молитвой в храме на распростёртого в земном поклоне Галактиона не то сонная хмарь накатилась, не то выпал он просто из сознания, ощущая невесомость в теле и пугаясь, а ещё больше дивясь видению, взору открывшемуся.

Красивый, поблескивающий позолотой куполов церквей возле мощного детинца на холме город был обложен со всех сторон неприятельской ратью. «Суздальцы!» – будто кто подсказал Галактиону, завидевшему стяг со львом на полотнище, под ним – князя, кутающегося в алое корзно.

Готовились к приступу. Князь поднял руку, и ватага лучников выдвинулась вперёд.

Похоже, приступ обещался быть последним. Над городом клубилась зловеще чёрная дымная туча, там и сям от пущенных с огнём стрел разгорались пожары. Защитников на городской стене оставалось немного; израненные, они угрюмо, молча взирали на

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 163

подступившую рать, ожидая смертного часа.

Послышалось вдруг, словно из-под земли донеслось тихое молебное пение. Люди на стенах откладывали в сторону оружие, торопливо снимали шеломы и становились на колени.

«Пресвятая Богородица! Заступница усердная...» – шептали запёкшиеся губы, а взгляды с надеждой устремлялись на икону, несомую двумя дюжими монахами.

Шествие медленно двигалось вкруг по стене, сияло яро облачение на епископе, вился синий дымок ладана из кадильницы диакона, клиросные певчие – женщины с испуганными заплаканными лицами – подрагивающими голосами тянули тропарь.

Епископ был стар, тяжело опирался на посох. Галактион попригляделся и, обмирая сердцем, узнал Иоанна Новгородского – видел фреску с ликом его на стене своего монастырского храма. Знал ещё, что жил святитель до нашествия батыевой татарвы, в самый разгар княжеских распрей. Но изумление монаха застила горечь увиденного: брат на брата...

Между тем князь в алом корзне под городскими стенами хрипло, с насмешкой обратился к притихшему войску:

– Чего испужались-то? Ихней иконы? А ну, лучники, всыпьте!

Стрелы тонко запели в воздухе, осыпали навершие стен, и тотчас среди застигнутых врасплох защитников раздались стоны. Одна стрела – Галактион увидел чётко, будто рядом стоял, – впилась в лик Богородицы на иконе; из глаз Пречистой Девы вытекли слёзы. Раненый епископ, павший перед иконой на колени, слабеющими руками подставил край одежды, чтобы Богородицыны слезы не скатились на грешную, политую кровью землю.

Богородица – Галактион и это видел – отворотила свой лик от нападавших.

Средь полезших было на приступ суздальцев возникло замешательство, словно чёрная морока опустилась на их расстроенные ряды. Растерянные, обезумев, бежали они от стен, в суматохе поражая друг друга.

Происшедшее с иконой заметил и воевода:

– Знамение! Знамение! – крестясь, закричал он и перекинул меч в правую руку. – На вылазку, робята! Зададим им жару!

В распахнутые ворота вытек жиденький ручеёк недавно ещё безнадежно оборонявшихся.

Пленили сброшенного взбесившимся конем князя; он в ярости бессильно скалился под навалившимися молодцами и, брошенный поперёк седла, связанный, в обрывках своего алого корзна, норовил упрятать лицо под лошадиный бок.

– Знамение! – неслось над полем битвы...

Приходя в себя, словно вываливаясь из глубокого сна, ощущая лбом и коленями холод каменных плит пола храма, Галактион услышал:

– Иди и помоги спастись граду твоему...

Он чувствовал, что медлить больше нельзя. Расковав цепь, ломая босыми ногами хрупкий осенний ледок в лужицах, прибрёл в Городок.

Минули первые михайловки, урожай был собран и ссыпан в закрома; народ теперь, обрядившись по дому, после обеденного часу беспечно почивал, лишь лениво погавкивали псы в подворотнях.

Галактион узкой улочкой вышел на площадь с деревянной церковкой и приказной избой, так и не встретив на пути никого. Но здесь дремотной тишины как не бывало. В расписном тереме богатого торгового человека Нечая Щелкунова вовсю расходилось гульбище: из раскрытых окошек доносился гул подгорячённых бражкой и выдержанным мёдом голосов. Рокочущий протодиаконский бас возгласил многолетие воеводе – и затянули, кто бухая, басовито, а кто трескучим козлиным тенорком.

В трапезной заседала вся городская знать. Раскраснелись потные лица, горели хмельным весельем глаза, в пьяном гвалте никто и не заметил незваного гостя – чернеца.

Лишь хозяин, кряжистый, обросший чуть ли не до глаз чёрной вьющейся бородищей, удивлённо вскинул лохматые брови:

– Гле-ко, кто пожаловал!

Нечай стоял возле воеводы: старец сей, ублаженный «многая лета», уже мирно почивал в креслице, уронив на грудь седовласую голову. Щелкунов отодвинул подальше блюдо с кушаньем, чтоб тот не испачкал бородёнку, взял порядочный ковшец с перебродившей медовухой и собрался поднести пришлецу.

– Опомнитесь! – Галактион, позвякивая

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 164

цепью, обвитой вокруг тела, вознял иссохшую, восковой бледности руку. – Гроза грядёт! Покайтесь, пока не поздно!

– Это что ж ты городишь, брат? – возразил Нечай, обескураженный тем, что монах отказывается от угощения. – Какая такая гроза и откуда? Самозванцу в Москве, по слухам, рыло набок своротили, чего ж ещё... Скажи лучше: гнушаешься нами?

Чернец, кажется, не слышал его, обращался к сидящим за столом с ухмылками на пьяных рожах гостям:

– Спасайтесь! Умолить нужно Заступницу, чтоб беду отвела! Храм надо об один день воздвигнуть в честь иконы Знамения Божией Матери!

– Где прикажешь? – с издёвкой спросил заметно осерчавший Нечай, расплескивая медовуху из ковшеца. – Возле твоей кельи? Ух, и ловок ты! Чтоб все денежки тебе!.. На-кась, выкуси! Сиди, яко пёс, на цепи и не вякай!

Щелкунов, выставив вперед свое немалое брюхо, попёр на чернеца, выталкивая его за порог.

– Одумайся, богатый человек! Ждёт тебя погибель лютая... Прогуляете город!

Галактион, отступая, споткнулся в сенях о порог и по крутым ступенькам крылечка скатился вниз. Ему помогла подняться девица. Заулыбалась, поблескивая чёрными, похожими на щелкуновские, очами: дескать, что ж ты, батюшко, на ногах не стоишь, но нахмурилась, сведя бровки к переносью, завидев, как чернец, подойдя к храму на площади, пал на колени, воздевая руки:

– Господи, прости неразумных и грешных!

Потом заплакал и побрёл к своей келье, волоча за собою по земле цепь.

Простые люди, прослышав про беду, чаще поодиночке, побаиваясь насмешек, подходили после к келье, и Галактион, предрекая кому скорую погибель, а кому – чудесное избавление, подбадривал, призывал молиться о спасении души.

* * *

Отец Андрей Введенский, тоже вдруг почувствовав себя способным сойти с места в леднике, приблизился к келье и склонился перед чернецом.

– Коль не отвергнешься веры, – услышал, – ждёт тебя мученический венец!

Наше время

1

Крестный ход почему-то задерживался, из церковных, окованных железом врат всё никак не выносили большие золочёные лепестки хоругвей, и на колокольне старичонка-звонарь в одной рубашке, надувавшейся на худом теле пузырём от ветра, продрог и озлобился вконец. Высунув в проём белёсую головёнку, потянул, как ищейка, ноздрями воздух, поперхнулся и вопросил, будто петух прокукарекал:

– Иду-ут?!

Старушки богомолки, после тесноты и духоты в храме отпыхивающиеся на лавочках на погосте, привёзшие их сюда на «жигулёнках» и иномарках сыновья-зеваки ответили ему нестройным хором:

– Не идут!

Звонарь на верхотуре затих, но сиверко пробирал его до костей, через недолго старик опять возопил тоненьким надтреснутым голоском. Услышав снова разнокалиберное «нет», звонарь яростно взвизгнул:

– Когда же пойдут! – и припечатал словечко.

Народ внизу на мгновение от изумления охнул, замер. Старушонки часто закрестились, молодяжка криво заухмылялась.

Наконец из храма на паперть, тяжело ступая, колыша хоругвями, вывалили церковные служки, заголосил хор. Тут-то старик ударил в колокола. Один, побольше и, видно, расколотый, дребезжал, зато подголосок его заливался, словно бубенец. Звон был слышен разве что в пределах ограды: где ему – чтоб на всю округу окрест. «Язык» от главного колокола, который едва могли поворочать два здоровых мужика, валялся с тридцатых годов под стеной храма.

Крестный ход опоясывал церковь, священник кропил святою водой то стены, то народ, и о звонаре-охальнике все как-то забыли.

А он нащупал дощатую крышку люка, открыл её и осторожно поставил ногу на верхнюю ступеньку винтовой лестницы. Прежде чем захлопнуть за собою люк, подставил лицо заглянувше-

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 165

му в окно звонницы солнцу, похлупал красными ошпаренными веками.

Звонарь был слеп, но по лестнице спускался уверенно, изучив на ощупь не только каждый сучочек на ступеньках, а и щербинки-метки в стискивающих лестницу стенах.

Слепого звонаря прозвали дедом Ежкой, именовать же его на серьёзный лад Иннокентием считали недостойным, да и языку иному лень было такое имечко произнести. Дед Ежка появился у церкви иконы Знамения Божией Матери в бесконечно сменяемой череде приблудных бродяг, побирался первое время на паперти и с особо щедрых подачек, как и другие убогие, гужевал напропалую в заросшем кустами овраге под церковным холмом, напивался до бесчувствия, бывал бит, но уж если и вцеплялся какому обидчику в горло, то давил до синевы, до хруста, насилу оттаскивали.

Нищие приходили и уходили, а Ежка прижился – обнаружилась у него способность управляться с колоколами. Взамен за службишку слепой много не требовал, довольствовался углом в сторожке да тем, что сердобольные прихожанки подадут.

Так прошло немало лет, и слепой звонарь стал необходимой принадлежностью храма. Откуда он да чей – выпытать у него не смогли, как ни старались. Трезвый он просто отмалчивался, а из пьяного, когда к нему решались залезть в душу, пёрли потоком такие слова, что святых выноси.

2

Домишко на краю церковного погоста устоял, уцелел. Только давно в него не заходили. Просела, проваливаясь, драночная крыша, забитые досками окна уперлись подоконниками в землю.

Роман Ропшин без труда обнаружил широкий пролом в изгороди, ступил в бывший огород, скорее уж луг, заросший духмяным цветущим разнотравьем. Пробираясь к крылечку, старался не мять окроплённые вечерней росой и никнувшие под её тяжестью венчики цветов; осторожно смахнув с приступка слежавшийся слой трухи, сел и с любопытством посмотрел на свой извилистый, темнеющий ямками с примятой травой след.

...И не было когда-то давно здесь этого лужка в помине, а чернели обыкновенные гряды, и он, Ромка Ропшин, докапывал последнюю из них. Обнажившись по пояс, бахвалился ещё не успевшей одрябнуть после армейской службы мускулатурой, горделиво скашивал глаза на наколку на плече – девичью фигурку, но пуще-то поглядывал на Ольгу, ходившую по бороздам вслед за отцом с ведром картошки в руке.

Сергей Петрович Козырев острием кола проминал в рыхлой супеси гряды ямки, чётко выдерживая расстояние между ними: и тут оставался верен себе бывший школьный математик. Усохший, со скрюченной спиной, с редким белым пухом, обметавшем голову, Сергей Петрович не утратил суровости учительского взгляда из-под низко нависших, всегда хмурых и тоже белесых кустиков бровей – Ромка его побаивался. И когда, подустав, парень собрался закурить – воткнув лопату в землю, вытащил из кармана пачку «Примы», старик строго кашлянул. Может, и без всякого умысла, но Ромка машинально скомкал полупустую пачку в кулак и спрятал за спину. Потом опомнился: не на перемене же за углом. Сигареты в пачке были безнадежно смяты, и Ропшин, чертыхаясь, швырнул её в борозду и завалил землёй.

Ольга, бросая картофелины в ямки, только посмеивалась.

«На свиданье прибежал, а они меня пахать заставили. Ещё и насмехается... Знала бы, за что её Леха на днях продал – не так бы лыбилась!» – возжаждал мести Ромка...

А оценил свою бывшую подругу Ромкин наставник в журналистике репортёр Лёха всего в стопку водки.

Редакционные деятели, под разными благовидными предлогами выскользнув из-под ока начальства, сбились в компашку и гуляли на квартире у одного пенсионера. Долго стоял дым коромыслом, но вот одни потихоньку убрели, иные «отключились»; остались лишь Лёха с Ромкой, самые молодые и стойкие.

Перед ними на столе среди разбросанных по нему хлебных окусков поблескивала гранями последняя стопка с водкой. Они оба пялились осоловело на этот стакашек, и одновременно у обоих из тупого безразличия пробуждалась жадность.

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 166

И вот тут-то Ропшин, облизнув осадок на пересохших губах, предложил:

– Ты отдай мне Ольгу... за стопочку-то. Лады?!

Лёха согласно мотнул плешивой головой на длинной худой кадыкастой шее:

– Забирай! По наследству, – и цепко ухватил стакашек дрожащими пальцами, пока «покупатель» не передумал.

В Городке такой роскоши, как своя газета, не существовало, выходила она в райцентре; молодой журналист Ропшин мужественно мотался на рейсовом автобусе или на попутках каждый божий день взад-вперёд. Первый год Ромка очень гордился своей работой: в автобусе, садясь, задирал нос, ревниво косился по сторонам – смотрит ли кто на него с почтением. И по Городку вышагивал, едва не налетая на встречные столбы.

Но то ли народ был без понятия, то ли Ропшин на рожу и фигуру не вышел, только относились все к его виду равнодушно, а в автобусной давке грубо пихали под бока локтями, и какая-нибудь старушенция могла запросто над ухом успевшего занять местечко Ромки противно зазудеть: «Вот ведь молодяжка! Здоровый лось, мог бы и место уступить!»

Ропшину, скучая, оставалось присматриваться к попутчикам. На утреннем и вечернем рейсах ездили почти одни и те же личности: кто на работу, кто учиться, и примелькались они Ромке быстро. Иногда появлялась незнакомая девушка. Высокая, рыжеватенькая, с правильными чертами лица, одета она была скромно, неприметно – видать, и годики того требовали. Хотя заметные морщинки возле глаз миловидности ничуть не убавляли. Ромке захотелось с нею познакомиться, да вот как... Он парень застенчивый в этом деле. Когда приходилось общаться даже с ровесницами, и то краснел и пышкался. Да от судьбы не уйдёшь.

Однажды, прижатый вплотную к незнакомке в автобусной давке, Ропшин отважился выдавить из себя несколько слов и, заметив, что к нему прислушались, вовсе расхрабрился – набился девушку провожать. И по дороге не умолкал, нёс какую-то околесицу и неожиданно выяснил, что общих знакомых у них в редакции немало. Вспомнил Лёху среди прочих.

– Знаю, знаю... – тёплые пальцы коснулись запястья Ромкиной руки. – Меня Ольгой зовут.

Вот её-то и запродал за стопку водки Лёха и тут же вылакал выторгованное, смачно зачмокал губами, довольный, взгляд его вконец одеревенел.

Промолчал Ропшин, не выдал дружка, да и Ольга неизвестно как восприняла бы такую «крутую» сделку, шуганула бы, может, самого с огорода, как козла несчастного.

Старик Козырев, похоже, не ведал про перекуры: Ромка, докапывая гряду, так умаялся, что язык на плечо чуть не высунул.

Уже темнело.

В это время приотворилась узорная кованая калитка в ограде церкви, вышел бородатый служитель в долгополом чёрном одеянии, с ним ещё двое мужиков в простой одежде. Разговаривая, они миновали козыревское подворье и расположились полулежа на молодой травке на самом краю обрыва в песчаный карьер, где на дне подземные ключи наполняли озерцо. Карьер выжрал полбугра, на котором куполами и крестами белым кораблем высилась церковь, подобрался под стены ограды, так что заброшенная банька на задах домика Козыревых накренилась сиротливо, боком сползая в огромную ямищу.

Ропшин услышал тихое заунывное пение: пели все трое, бородач в рясе, басовито выводя непонятные слова, взмахивал руками, дирижировал. И тогда пот жгучей солью залил Ромке глаза, руки и спину заломило с непривычки, ревность ущипнула сердечко, когда приметил он, что Ольга прислушивается к певцам.

– Вот неработь! – парень, распаляясь, кивнул в их сторону. – Содрать бы балахон с того бородатика, а самого пахать сюда! Расхотелось бы песенки распевать!

Сказал, конечно, негромко, чтоб мужики не услышали, наткнулся в земле лопатой на камень и старательно заскыркал острием по нему, дожидаясь, что неразговорчивый Ольгин отец обязательно поддержит его в гневе праведном – старики учителя все заядлые атеисты, и Ольга геройство достойно оценит.

Но Козыревы, отец и дочь, дружно взглянули на Ромку как на придурка и тотчас ушли оба в дом.

Ропшин потоптался, поперетаптывался, психанул и помчался прочь...

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 167

...Сколько с того вечера минуло... Лет двадцать без малого, и немногие бы узнали в сидящем на крылечке заброшенного дома человеке лопоухого Ромку-журналиста – был новый настоятель Знаменского храма отец Роман Ропшин, от вечернего холодка зябко кутавшийся в рясу.

3

У деда Ежки появился напарник – Ропшин принял на работу нового дворника, известного в Городке «молодого» поэта Юрку Введенского.

По старой памяти...

Заходя в редакцию газеты, Юрка сожалел, что однажды неосторожно «раскололся» на семинаре местных дарований. На мероприятие приехали областные писатели и, прежде чем усесться за банкетный стол, решили обсудить творения пары-тройки человечков. Успели они бегло проглядеть Юркины опусы и предложили автору рассказать о себе.

И дёрнул чёрт Введенского «резать» за чистую монету:

– Вор я бывший, карманник. Четыре «ходки» имею...

Юрка неожиданно для себя увлёкся, живописуя свою прежнюю житуху; да и не удивительно было – солидные седовласые «члены» внимали ему, по-вороньи распяля рты, с интересом разглядывая его, маленького, суетливого – в чём только душонка держится? – мужичка за пятьдесят с плешивой, дёргающейся в нервном тике головой и как у мороженого окуня глазами. Костюм в крупную клетку, позаимствованный на время у тороватого соседа, висел на Юрке мешком, брючины пришлось закатать, но всё бы ладно: и трёп, и внешний вид, кабы вошедший в раж Юрка не предложил кому-то поэкспериментировать с бумажником. Выну, дескать, не засечёте!

Все с испугом залапали карманы, облегчённо завздыхали потом, запосмеивались, и Юрку за банкетный стол не взяли.

С той поры при появлении Юрки в редакционном коридоре бабёнки поспешно прятали сумочки, мужики на всякий пожарный пересчитывали наличность в карманах; и Юркины творения, со старанием переписанные им от руки ровным школьным почерком, вежливенько, холодно отклоняли, морщась:

Поезд уходит в даль заревую,
Колёса мерно стучат.
Пассажиры запели песнь боевую,
Над крышей вороны кричат.

«Чё он приперся-то, тут у нас люди приличные ходют!» – ворчала секретарша.

Введенского, в какой бы кабинет он с робостью ни заглядывал, везде встречали молчаливые, ровно кол проглотившие сотрудники.

Привечали его только Леха с Ромкой в репортёрской клетушке с обшарпанными прокуренными обоями на стенах и колченогим шкафом, наполненным порожними бутылками. Угощали куревом и, слушая какую-нибудь Юркину байку, понимающе кивали. Юрка оставлял свои произведения и не видел, уходя, как их тут же отправляли в корзину и смеялись: «Всё прикольней с ним!»

Как-то Введенский заявил им вполне здраво: «Буду в корнях своих копаться!», но доброе его намерение, как обычно, пропустили мимо ушей.

Юрка до поры верил в воровскую судьбу, хоть и играла она с ним, как кошка с мышкой.

После детдома, «ремеслухи», втыкая где-то на заводе, он влип за пьяную драку: коротышка, сухлец, чувствуя, что забивают его до «тюки», нащупал на полу железяку и всадил её в здоровенного верзилу. Тот, слава Богу, оклемался в больнице, Юрка же, мотая срок, не любил вспоминать, за что его получил, простым «бакланом» не желал прослыть.

У него иной «талант» в полный цвет вошёл, за какой в детдоме крепко лупили, да всё равно его не выбили.

После лесоповала на «зоне» возвернувшемуся на волю Юрке вкалывать особо не захотелось. Но сытной жратвы, вина, баб властно требовал его отощавший изрядно организм. Введенского понесло мотаться по разным городам, благо – вокзалы, базары, общественный транспорт существовали везде. Он наловчился «работать» мастерски: обчищал карманы у зевак, ловко разрезал отточенной монетой дамские сумочки и долго не попадался. Жаль вот, добы-

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 168

тые деньжонки мгновенно таяли. Когда особенно фартило, Юрка, приодевшись, пытался кутить, но быстро спускал всё до последних порток, да и милиция уже висела на «хвосте» – унести бы ноги. Бывало, не успевал...

Между «отсидками» Юрке удавалось заводить женщин, но все попадались такие, которые его не дожидались.

В лагерях в большие авторитеты Введенский не выбился. В «шестёрках» его не обижали, хоть и был он безответного и безобидного нрава.

В лесу, где зэки валили деревья, вдруг замирал возле поверженной в снег сосны, задирал к небу исхудалое, с ввалившимися щеками лицо и устремлял ввысь оторванный от всего взгляд вытаращенных полусумасшедших глаз. Юркины кровоточащие на морозе губы едва заметно двигались, что-то шепча. Порою Юрка падал на колени, прижимая сложенные руки к груди.

– Придуряется! – говорили, жестко усмехаясь, одни и норовили подопнуть его под бок.

– Молится! – прятали тоскливые глаза другие, что послабее, поизнурённее.

Случалось, Юрка лез к какой-нибудь забубенной головушке – угрюмому, зыркающему исподлобья «пахану», расспрашивая того вкрадчиво-участливо, пытаясь затронуть что-то потаённое, бережно хранимое в глубине души. И в ответ обычно получал зуботычину или в ухо, отлетал пришибленным кутёнком, но самый лютый громила начинал потом тосковать, о чём-то задумываться.

За Юркой прочно закрепилась кликуха Поп. Вот за это самое...

После последней «отсидки» Введенского потянуло неудержимо в Городок, на родину, туда, где пуп резан. Он как-то сумел худо-бедно обустроиться в общаге, не запил, не воровал, работал где придётся и кем попало, даже стишата сочинять брался.

Видели часто его стоящим на службе в церкви.

Юрка молился, внутренне радуясь чудесному совпадению: если в самом деле так, то конец его безродности! В этом храме когда-то служили священники братья Введенские, расстрелянные в тридцать седьмом. От младшего брата Аркадия осталась куча ребятишек, которых власть рассовала по разным детдомам. А вдруг... он один из них?! Юрка тем и тешился, верил и не верил.

4

За дурацкую выходку на огороде Ольга над Ромкой подтрунивала – ишь, какой герой выискался! Но больше выговаривала:

– Ляпаешь не думая. Балахон с попа сорвать да... За кого тебя мой отец посчитал? За идиота? Теперь на моих родителей не обижайся!

Ромка, вышагивая позади Ольги по узкой, через поле, тропинке, сердито сопел. Что верно, то верно. Два «божьих одуванчика» нынче покосились на него несмила – наверняка старик рассказал обо всём старухе. Он, не здороваясь, хмуря брови, убрёл на улицу, а Варвара Андреевна, поджав губы, никак не выходила из кухни. Рядом, в узком проходе прихожей, стоял большой сундук, на котором Ромка с Ольгой просиживали не один вечерок. Старики в передней смотрели телевизор, а парень пытался поцеловать Ольгу и потискать. Но она была не как все девки – Ромкины ровесницы в городе: отстранялась, поглядывая насмешливо, и на улицу гулять с Ромкой не шла:

– Стыдно мне с тобой, ты ж такой молоденький...

Сидеть в комнате бубень бубнем Ромка робел, старики посмеивались даже:

– Вы как горюны раньше на посиделках!

– Кто такие?

– А те, кому родители встречаться не разрешали. Вот они по тёмным уголкам и жались...

Похоже, нынче Варвара Андреевна собралась вспомнить старое время, заговорила с Ромкой назидательным учительским тоном, точно отчитывала у классной доски.

– Давно собиралась вам сказать... Вы бы, молодой человек, другую партию себе подыскивали. Ольга вас намного старше, институт заочно заканчивает, ей сейчас не до вас. И вам надо учиться, а то что от вас проку? В подоле только принесёт...

Тут старуха прикрыла ладошкой рот, сообразив, что сморозила лишнее. Ольга вспыхнула и выбежала на улицу, Ромка – следом.

– Не поглянулся ты моим, – вздохнула Ольга, когда Ромка нагнал её, и они побрели к домишку возле церкви. – Не Лёха... Услужливый, обходительный, приедет – мамочка сама за бутылкой в

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 169

магазин бежала. Мне все подружки завидовали. Семь лет мозги пудрил... А увидала случайно его с этой... чернявой и в больницу даже слегла.

Ромка знал, что за «чернявая» бегала за Лёхой. Докторша. Маленькая, кавалеру до подмышки, «наштукатуренная» хохлушечка в узеньких брючках, она подкарауливала Лёху чуть ли не у нужника, в редакции посиживала в кресле, закинув ногу на ногу, и, попыхивая сигареткой, разглядывала мельтешащую перед ней газетную братию проницательными чёрными глазами.

Познакомились они с Лёхой на празднике; потом он, принаряженный в «тройку», повёл свою пассию в местную ресторацию. Врачиха – дальше: затянулась к нему домой и своей непринуждённой позой и сигареткой в кокетливо вытянутых пальчиках шокировала Лёхину полуинтеллигентную мамашу:

– Кого привёл?! Чтоб ноги её здесь не было!

Лёха как только ни уворачивался, пытаясь скрыться от новой подруги. Ромке надоело отвечать за него на телефонные звонки; в городе, едва завидев её, Лёха задавал стремительного стрекача, выписывая длинными ногами замысловатые кривули по закоулкам.

В редакции кто подсмеивался над этим «романом», кто сочувствовал. Лёха всем отвечал, обиженно вытянув титькой губы: «Женить на себе хочет!» Один лишь Ромка завидовал втайне: за ним никто ещё так не бегал.

Кончилось всё тем, что чернявенькая вышла замуж за русоволосого доктора и укатила с ним в другой город; Ольгу Лёха «презентовал», как известно, Ромке за стопочку и теперь успокоенно посиживал в кабинете, вытянув длинный нос и временами с блаженством почесывая раннюю плешь.

Возле церкви, когда подошли к ней Ольга и Ромка, было тихо. Солнце, багровея, ещё висело над пиками дальнего бора; казалось, что жильцы деревушки при погосте тоже уснули вечным сном, как и те, в церковной ограде. Робко потрескивали кое-где в начавшей сыреть траве кузнечики, да какая-то птаха не ко времени запищала в кроне вековой липы возле козыревского домика и тотчас испуганно смолкла.

Приоткрыв скрипучую калитку в ограде, Ольга провела Ромку внутрь; они пошли по мощённой стёртыми каменными плитами дорожке к храму, остановились у большого деревянного креста возле стены.

– Бабушка... – с грустью кивнула Ольга на аккуратный, убранный цветами одинокий холмик.

– А дед? – как-то само собой слетело у Ромки с языка.

Ольга в ответ посмотрела не то удивленно, не то с непонятным смущением:

– Ладно. Пойдём!

Ромку она оставила ждать на ветхом крылечке домика, сама же вернулась вскоре с деревянной шкатулкой в руках.

– Смотри! – Ольга, отомкнув крышку, порылась в пожелтевших от времени бумагах и вынула блеклую фотографию на картонной, украшенной позументом, корочке. С неё на Ромку пристально глянул немолодой священник в широкой чёрной рясе и с крестом на груди.

– Вот он, дедушка мой Андрей! Говорят, перед войной расстреляли его... Ты только дома у нас о нём не вспоминай и не спрашивай, – заметив, что Ромка заинтересованно изучает фотокарточку, предупредила Ольга. – У нас в семье об этом говорить не принято.

5

Сергей Петрович Козырев за многие годы научился подавлять в себе всякое, даже малейшее воспоминание о тесте своём – священнике Андрее Введенском. И в семье о родственнике была истреблена всякая память; дозволялось лишь упоминать о нём матушке-попадье – и то, помянувши невзначай, она, косясь на зятя, испуганно замолкала, пусть и была в его доме нечастой гостьей, а жила-поживала одинёшенька в дряхлой хибарке на краю церковного погоста.

«Чтоб не дразнили нас поповским отродьем, не утыкали тем дочь нашу!» – твёрдо говорил Сергей Петрович жене, и та соглашалась с ним. Надо было – она и от отца родного отреклась публично, когда его арестовали, и ушла «самоходочкой» к молодому учителю точных наук, влюбившись без памяти.

Сергей Петрович хоть родился и вырос в соседней деревне, – быкам, как и все парни, хвосты накручивал, – но учился потом в губернском городе и прикатил в бывшую церковно-приходскую школу ярым атеистом. Громить и разрушать

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 170

было уж почти нечего: опустошённый загребущими руками храм стоял закрытый по «просьбам трудящихся» на крепкие замки, колокола со звонницы сбросили и осколки их валялись везде. Приезжали такие граждане, что поглядывали, кривя рожи, и на кресты, но сдёрнуть их с куполов охотников пока не находилось.

Сергей Петрович тоже поглядывал, но пуще – на юную поповну Вареньку.

Просторный поповский дом отдали под школу, а прежних хозяев выселили в убогий флигелёк.

Козырев из окна верхнего этажа часто видел хлопочущего возле домишка священника отца Андрея. В поношенном зипуне, в старой шапке, напяленной на длинную гриву седых волос, топорщившейся, подернутой куржаком инея бородой, он напоминал скорее простого мужика из ближней деревни, чем «паразита и мракобеса». Мужики и бабы отрывали его от домашней работы, приходили с заказами пошить сапоги, и тогда допоздна светился тускло в крайнем окошке избы огонёк.

«Прикидывается! Трудяга-а! – решал, неприязненно косясь на попа при встречах в школьном дворе, Сергей Петрович. – Какой он сапожник!..»

Ещё больше озлобился на отца Андрея Козырев после того, как тот, приметив, что учитель выписывает круги около его дочки, а та постреливает лукаво в ответ глазами, остановил однажды на подтаявшей тропке Сергея Петровича:

– Вы бы, мил человек, к моей дочери не приставали, оставили в покое. Ей-ей, не пара она вам.

Отец Андрей говорил тихо, но твёрдо; в голосе его зардевшемуся Козыреву почудилась скрываемая насмешка. Изумившись такой наглости, Сергей Петрович отступил в сторону с тропинки, провалился по колено в снег и долго провожал злющими глазами согбенную спину священника.

«Да как он может?! Мне!..» – забурлило всё в Козыреве, руки нервной дрожью затряслись.

Ещё недавно, на днях, секретарь комсомольской ячейки дал «проборцию» Сергею Петровичу: «С поповной тебя видали. Ты, паря, смотри – чуждый элемент... Как бы чего!»

Козырев встрепенулся: «Да она своя в доску, наша!»

«Своя-то, своя. Ладно уж, дело молодое, – не унимался секретарь. – Батя-то у неё, сам знаешь... Этот нашим никогда не будет».

Что верно, то верно. Сергей Петрович озаботился: даже встречаясь тайком с Варей, думку свою не оставлял. То там выявляли «врага народа», то тут. И из людей не последних, уважаемых, а этот попишко преспокойно топтал землю. Заловить бы его на чём-нибудь «таком», не может быть, чтоб он «перековался»!

Сергей Петрович сон потерял, чернеть начал и... чутко услышал как-то краем уха от ребятишек в школе, что батюшка крестит малышню по-тихому, ходя по крестьянским избам. Ребятёнки в младшем классе сплошь числились нехристями, но, когда Козырев ласково и настойчиво стал допытываться у них о крещении, сознались почти все: «Приходил батюшко, в стужу даже на печи крестил».

Козырев, закрывшись в учительской, крякал от удовольствия, обстоятельно сочиняя бумагу. Куда надо...

И ждать долго не пришлось. Спал он по-прежнему неспокойно и ночью услышал за окном во дворе шум подъехавшего автомобиля; при слабом лунном свете разглядел несколько теней, метнувшихся к крылечку поповского флигелька. Спустя какое-то время хлопнула дверца «воронка», заурчал мотор. Сергей Петрович, всматриваясь в полоски света, выбивающиеся из-под занавесок на окнах, различил... скорее угадал женские причитания.

«Помог тебе твой боженька? Защитил? То-то!» – он, торжествуя, с визитом к Введенским решил всё-таки погодить до утра.

По утрянке, завидев заплаканные красные глаза попадьи и Вари, Козырев почувствовал себя гаденько. Это ночью, лёжа на кровати, он злорадствовал, пуская в потолок кольца табачного дыма, а теперь жался в уголку, помалкивал, избегая лишний раз взглянуть на мать с дочерью.

– Ведь он был там, у них, – говорила, вытирая платочком слёзы, матушка. – В леднике едва не заморозили, чтоб от веры отрёкся. Привезли: не чаяла, что встанет. Всё чахоткой маялся, грудь-то отбили ему, в последнее время бродил еле. Хоть бы зло кому делал!

«Знаем, чего он делал и какое зло!» – усмехнул-

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 171

ся про себя Козырев и, посмотрев мельком на Варю, вдруг обмер, аж холодный пот шибанул! «Теперь же она не только поповская дочь, отца осудят – враг народа! Тогда... – лихорадочно пытался сообразить Сергей Петрович. – Тогда... Ехать срочно надо к брату в Ленинград, давно зовёт, и Варю сагитировать с собою. Не поедет, мать одну побоится оставить? А почему бы и нет. Пока они растерянные да раскисшие, действовать надо. А потом нужно будет – так и от отца откажется, уломаю!»

Варя поглядывала на Козырева сквозь слёзы с надеждой и мольбой, и он не стал медлить...

Она и вправду слабо запротестовала: «А мама как же?»

Но Сергей Петрович, на крылечке бережно обнимая её за плечи, успокаивающе нашёптывал: «Обустроимся, к себе заберём. А там, может, и... отца твоего отпустят».

До матушки нескоро дошло, что хотят от неё дочь с учителем: «Может, вы, Сергей Петрович, и на самом деле желаете для Вари как лучше... Только замуж-то так не выходят, и благословения родительского нам с батюшкой вам не дать. Бог вам судья!»

Вроде бы всё так и сбылось, как задумывал Козырев... Одно только не укладывалось – тянуло постоянно на родину. Казалось, в чужом городе прижились, блокаду перебедовали. После войны Варвара каждое лето ездила проведывать мать, и, когда подходил к концу её отпуск, Сергей Петрович всякий раз начинал не на шутку беспокоиться – как бы там, в Городке, жена не осталась. Однажды сам составил ей компанию, и... надумали в Городок переселиться. А там – долгожданная радость, чего уж не чаяли в чужом месте: дочка родилась.

Тёща-попадья никуда не делась из флигелька возле церкви, жила-поживала в нём, покосившемся и под худой крышей. Старушонка, пока была покрепче, возилась с грядками в огороде около пепелища сгоревшего в грозу поповского дома-школы. Сергей Петрович – люба уж, не люба тёща! – разработал весь участок, сменил изгородь, домишко, как мог, поправил: дело не внове – из деревенских он. Но принимался за всё с каким-то злым остервенением, набычась, и во время трудов побаивались с ним жена и тёща даже заговаривать.

Была тому причина. Вернувшись в Городок, Козырев ожидал увидеть от Знаменской церкви руины или зачуханный склад, а тут храм, как в прежние времена, сверкал нетронутой белизной на знакомом взгорке, трезвонил уцелевшим колоколом, и стекались к нему богомольцы.

Сергей Петрович хотел в тот же день уехать обратно, но впервые взмолилась жена, прежде послушная во всём: «Останемся, не могу больше...» И, через силу согласившись, Козырев попытался себя успокоить, тешась: всё равно храм рано ли поздно прикроют, коммунизм же строим. Взялся даже в школе лекции по научному атеизму читать и проводил их с жаром, не только чтоб для «галочки» языком отбрякать.

А в церковь и вправду тянулись лишь старушки богомолки, народ помоложе близко боялся подойти, а несмышлёнышей любопытных милиция в компании с комсомольцами вылавливала.

«Скоро всё равно карачун вам!» – взирая на кресты, торжествовал Сергей Петрович. Он, поначалу собираясь взять огород в другом месте, передумал, – дожидаясь, специально копался на тёщином. И не заметил, как дожил до пенсии, давно схоронил тёщу, а тихая потаённая жизнь в храме, куда ни разу не вошёл, продолжалась...

Как-то, укрепляя подгнившие брёвна в сеннике, Сергей Петрович обнаружил тайничок, а в нём – шкатулку. На толстом слое пыли и древесной трухи, набившихся за многие годы в резных узорах на крышке, остались видны недавние следы чьих-то пальцев.

«Не иначе старая что-нибудь спрятала, – помянул покойную тёщу Козырев. – Но кто лазил сюда недавно? Жена? Так она не ходит сюда, чтоб сердце, говорит, не травить. Неужели Ольга? Кому больше? Завещала, небось, старая...»

Отомкнув простенький запорчик, Сергей Петрович едва не выронил шкатулку из рук: с поблекшей фотографии глянул на него отец Андрей.

– Всё-таки опять нашёл ты меня! – Козырев, сам не замечая, говорил вслух. – Всю жизнь я бился, чтоб память о тебе уничтожить! Ну, ничего, это поправимо...

На участке дымил костёр: Сергей Петрович сжигал разный накопившийся хлам. Подкинув в теплину ворох сухой картофельной ботвы, он бросил во взметнувшееся пламя, не закрывая, шкатулку. Деревянные её стенки пыхнули легко

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 172

и весело, огонь в мгновение ока слизнул скорёжившуюся ненавистную фотокарточку.

Как и не бывало...

Не почувствовал Козырев облегчения, стало казаться ему, что совершил он опять, как когда-то давно, просто-напросто обыкновенную подлость. Прежде гнетущее это ощущение удавалось заглушить, схоронить где-то внутри, убеждая себя, что так надо было. Он даже, пока молод был, и гордился. И старательно убивал и вытравлял всякую память об отце Андрее не только в себе, но и в жене, паче – в дочке. Под спудом многих прожитых лет уж ничто не ворохнется, не отзовётся смутой в душе, но увы...

Теперь Козырев, заметно сникший, боялся заглянуть своим домочадцам в глаза, пропадал больше на огороде, где всегда находилось какое-либо дело, а за ним можно было ненадолго забыться.

Скоро и здесь покоя не стало – что-то надломилось в железном хребте покорной привычности: Сергей Петрович, будучи на пенсии, уловил это не вдруг. Ожил, повеселел тихий, доселе незаметный храм Знамения, со звонницы его, прежде безголосой, залились колокола, и толпы людей, взрослых и малышни, устремились принять святое крещение.

Козырев, видя всё это, занемог...

Из последних сил он притащился однажды на огород и в то место на пустыре в углу, где сжёг шкатулку и которое суеверно обходил, воткнул слабеющими руками, озираясь, сколоченный из деревянных реек крестик.

6

У Ропшина в Городке оставалось немало знакомых, одноклассников, дальней родни; с кучерявой чёрной бородкой его узнавали и не узнавали. Он, разговаривая с кем-либо, всё пытался обиняками, вокруг да около, выведать об Ольге, а напрямую спросить стеснялся. Ещё в автобусе, подъезжая к Городку, о ней первой вспомнил.

Ропшин увидел её в храме неожиданно, в воскресенье, когда правил службу. Подавая прихожанам крест для целования, он случайно бросил взгляд к выходу, в притвор, и там, в сторонке от галдящих возле свечного «ящика» старушонок, заметил женщину, на кого-то удивительно похожую. Вот только платок, неловко повязанный, надвинутый на самые брови, мешал узнать. Ольга носила либо беретик, либо шапочку. Так это же она! Только бы не ушла!

Ропшин, волнуясь, торопливо снял облачение, натягивая на голову скуфейку, вышел из храма. То, чего он боялся, не случилось: Ольга стояла у калитки в ограде, уже простоволосая, щурилась на высоко поднявшееся солнце. Ждала. Обернувшись, улыбнулась одними уголками губ, всё такая же, как и прежде, разве что тоненькие морщинки возле глаз собрались сеточкой, и улыбка получалась натянутой и грустной.

– Тебя и не узнать! Здравствуй, батюшка! – сказала она. Ропшину почудилось – излишне взбодрённо. Ещё он приметил: насмешливые огоньки в Ольгиных глазах оставались прежними, только стали холоднее.

– Здравствуй... – он притронулся к Ольгиной руке, робко сжал тонкие хрупкие пальцы.

– Что, пойдём? – кивнула Ольга за ограду. – Проводишь! Или нельзя вам?

На тропинке, спускающейся с холма в низину к Святому роднику и потом дугой через поле выходящей на большак, по которому спешили обратно в Городок богомольцы, было безлюдно.

Шли молча. Ропшин старался идти рядом с Ольгой, но она не уступала дороги. Оставалось брести позади и глядеть ей в затылок с завитками русых волос, скакать же по обочине в долгополой одежде немного радости.

– Ты, значит, сюда служить... Как до такой жизни-то дошёл, поделился бы! – Ольга наконец обернулась, было не понять – с обычной насмешливой колкостью спросила или на полном серьёзе.

– Тут в двух словах не расскажешь, – замялся Ропшин и ухватился за спасительную соломинку: – А ты сама как живёшь?

– Одна я. – Ольга сухо поджала губы, отвернулась и ускорила шаги.

– Постой! Когда ещё увидимся?

– Зачем? – Ольга остановилась на развилке тропы с большаком.

– Расскажу о себе и про это – тоже! – Ропшин посмотрел на белеющий на холме храм. – Посидим у Аленкиного омута, как раньше бывало. Есть что вспомнить.

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 173

– Ладно, – согласилась Ольга, мельком заглянувшая в просящие ропшинские глаза. – Не переживай. Давай завтра!

«Какой была, такой и осталась!» – Ропшин провожал её взглядом до тех пор, пока она не скрылась за пригорком.

Полумальчишеская давняя любовь, напрочь было схороненная за прошедшие годы, затеплилась, встрепенулась в сердце, напомнила о себе. Не забылось выстраданное и выболевшее...

...Лёха, покинутый новой сударушкой – врачихой – принялся тогда посылать покаянные письма Ольгиной матери; та, завидев Ромку, уже не только скрипуче советовала ему подыскивать другую «партию», а смотрела волком. И Ольга сама старалась выпроводить юного кавалера со свидания пошустрей, бывало, и не сказывалась дома. Потом вдруг, молчком, укатила с подругой отдыхать по турпутёвке. А когда вернулась, обрадованному соскучившемуся Ромке, хмурясь, сказала, холодно чмокнув его в щеку:

– Пойдем-ка прогуляемся... Поговорить надо.

До окраины Городка они прошли, как обычно, на «пионерском» расстоянии – так Ольга Ромку принародно ходить приучила; шагая по полевой дороге, она трудно подбирала слова:

– Ты не обижайся только... Ты для меня вроде развлечения был... и Лёхе мне поднасолить хотелось. Чтоб побесился, помучался... Может, вернётся? Семь лет ведь с ним, семь лучших лет! – Ольга вздохнула. – Но вернётся – всё прощу! Порода, видно, у нас такая – однолюбки! Ты уж извини...

7

Девчушка лежала на боку на асфальте, поджав к животу ноги в дешёвеньких джинсах и неестественно вывернув кисти рук с длинными тонкими пальцами с посиневшими заострёнными ногтями. Соломенные, стриженные в «скобу» волосы, рассыпаясь с затылка, уже стали приклеиваться к луже застывшей крови. С белого как мел лица смотрел незряче-жутко застекленевший, с уплывающим под веко зрачком удивлённый глаз.

Ропшин со своими думками спешил домой из редакции областной «молодёжки», где работал немало лет после переезда из Городка, на кучу народа на перекрёстке не обратил внимания, – хотел просунуться с ходу, чтоб перебежать улицу, и увидел...

Девчушке, похожей на подшибленную камнем птичку, было не больше четырнадцати-пятнадцати лет. За обочиной валялся искорёженный мотоцикл, и где-то далеко обезумевший шофёр гнал грузовик с яркими красными пятнами на борту кузова. По краю дороги взад-вперёд бродил, волоча ушибленную ногу, высокий парень в кожаных штанах и куртке, теребил в руках мотоциклетный шлем и бормотал что-то вполголоса. Отбросив «шлемак», парень упал на колени, воздел руки и, прокричав протяжно и страшно, обхватил голову, упал ничком, прижимая лоб к разогретому за день солнцем дорожному полотну.

Наехали, сверкая мигалками, машины ГАИ, «скорой». Ропшин, трясясь как в ознобе, побрёл куда глаза глядят. Девчонку эту он видел вчера в магазине у перекрёстка, столкнулся с нею в дверях. И вот...

Тротуар оборвался, под ногами оказалась усыпанная прошлогодней жухлой листвой тропинка с выползающими кое-где на поверхность узловатыми корнями деревьев, длинной задичалой аллеей тянущихся вдоль берега реки. За гущей свежей зелени кустов зажурчал, забулькал взбудораженный недавним паводком речной плёс.

На взгорке средь невзрачных нежилых развалюх высился, пестрея выщербленным кирпичом в стенах, храм без куполов. Пустые провалы окон пугающе чернели. И тихо было кругом, лишь пересвистывались в кустарнике вечерние птахи, долетающие отголоски городского шума безнадежно гасли в кронах вековых лип.

Роман пробегал мимо этого места не раз и не два и как-то не обращал особого внимания: мало ли было в областном центре порушенных, приспособленных на скорую руку невесть под что церквей. И здесь в прежнее время коптила небо фабричонка валяной обуви, пыхала дымом труба кочегарки, торчащая из алтаря.

Ропшин, преодолев кучу мусора, пробрался к окну нижнего этажа и отшатнулся от шибанувшего в нос едучего тяжёлого запаха невыветрившейся канифоли и подвальной заплесневелой сырости. Он с надеждой поднял глаза,

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 174

увидел лестницу и, рискуя загреметь с гнилых ступеней, стал подниматься по ней, карабкаясь почти на четвереньках.

Внутри храма был розовый мягкий полумрак: ещё не закатившееся солнце щедро засылало лучи в двойной ярус высоких окон, и изъеденные кислотными парами голые кирпичные стены не казались мрачными, а словно бы светились теплом изнутри.

Роман осторожно ступал по храму, звуки его шагов отдавались где-то вверху гулкими отголосками; оттуда же доносилось воркование голубей, хлопот крыльев. Ропшин попригляделся и различил под самой крышей остатки лепных украшений: в углах ангелочки, надув забавно щёки и топорща крылышки, норовили слететь с места, да никак не могли. На своде сквозь осыпавшуюся грязно-серую побелку проступал лик. Роман, задирая до боли в шее голову, долго разглядывал поначалу вроде бы тёмное пятно, но вот разобрал черты лица, и показалось оно на кого-то похожим, даже знакомым. Ропшин вспомнил вдруг старую фотографию у Ольги в руках, которую она выносила украдкой от отца. Схожи были лики неизвестного Роману святого на фреске и Ольгиного расстрелянного деда-священника...

Допоздна бродил Ропшин по храму, останавливался, вслушиваясь в его гулкую тишину, и под скрывающимися в вечернем сумраке сводами чувствовал в душе сходившее откуда-то с выси успокоение. Отступило, оставляя в покое и зарубцовываясь, запекаясь на сердце, потрясшее Романа видение нелепой, ужасной смерти. Храм, будто огромный прочный колокол, защищал со всех сторон...

Ропшин знал теперь, куда ему идти в горький час беды или даже просто растерявшись в жизни.

Обкомовские комсомольцы, в пламенных речах костьми готовые лечь за дело и процветание родной партии и народа, чуть припекло – шустро и молча разбежались заниматься прямо противоположным тому, к чему призывали простодушный молодняк. Кое-кто из них, поглупее, угробивший себя в застольях и оргиях на загородных дачах, пошёл орать на углах среди нищих стариков и размахивать красным флагом. Никому не нужная газета – «молодёжка» – была на предсмертном издыхании; Роман с горькой усмешкой попрощался с последним фанатиком – её редактором, объявившим в порыве отчаяния рассмешившую всех голодовку...

Ропшин верил – Бог не оставит.

Ольга слушала его рассказ внимательно, в конце улыбнулась грустно:

– Я бабушку свою вспомнила... Она меня ещё маленькой потихоньку от отца в церковь водила, учила креститься, поклоны бить. А дома... ни иконы, ни крестика, и отец при бабушке сам у себя спросит: что, мол, поп в церкви делает, и ответит – дурака валяет. Так-то и жили!..

Ольга всё-таки пришла в условленное место: на бережок Аленкиного омута.

Ропшин, вытащив из травы оставленную половодьем доску, пристроил её на валунах – ладная получилась скамеечка, да ждать на ней довелось долго. Он уж клял себя за необдуманно назначенное свидание – вот искушение-то, измучиться можно! Набрав в горсть галечника, Ропшин бросал камешки, стараясь достать до середины омута, смотрел на расходящиеся по поверхности воды торопливые круги и не расслышал даже, как подошла Ольга.

– Ты и в гражданском неплохо смотришься! Солидный дядечка! – привычно уколола она, пристраиваясь на краешек скамеечки.

Ропшин вспомнил прошлый, скомканный и с недомолвками разговор и стал рассказывать о себе: обещал.

– А фотография деда твоего, та, что в шкатулке, сохранилась? – спросил он после недолгого молчания у задумавшейся Ольги.

– Нет, – покачала она головой, – отец нашёл и сжёг. Перед смертью признался маме. Я всё не понимала, почему он так деда Андрея ненавидел, а оказывается, вот что... Он сознался, что деда-то сдал в тридцатых – донос написал. Теперь мучился, прощения просил то у мамы, то у деда безвинно убиенного... Мама не в себе стала, заговаривается. Догадывалась раньше, да страшилась спросить. Вдвоём с ней и живём.

«Что же Лёха ваш к вам не возвернулся...» – с проснувшейся некстати застарелой ревностью мстительно подумал Ропшин.

Незабвенного Алексея Сергеевича он встретил, вскоре по приезде заглянув на прежнюю работу в редакцию «районки». Лёха, изрядно пооб-

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 175

лезший, всё в том же костюме-тройке и при пёстром галстучке, отнёсся к встрече радушно-деловито: разговаривая, вроде бы поблескивал с интересом глазами, но и, часто потирая лоб рукой, многозначительно собирал губы в «титьку», мыча. Ропшин догадался, что это он интервью берёт, сейчас за ручкой и блокнотом потянется, если диктофон втихаря ещё не включил. От встречных – о себе – вопросов Лёха искусно уходил, увиливал, и вскоре Ропшина потянуло побродить по другим кабинетам в поисках знакомых.

Он узнал, что Лёха остался один, как сирота казанская, подкармливался то ли у дядьки, то ли у тётки, но свою манеру кружить возле бабёночек не забросил. Теперь были они, конечно, поплоше и с детками; порхавшего возле них мотыльком Лёху, разнюхав, что он ни рыба ни мясо, скоро прогоняли.

С Ропшиным Лёха распростился так же, как и встретился: ни обрадовался, ни огорчился...

– Пора идти! – Ольга зябко передёрнула плечами и встала.

Едва закатилось солнце, и с реки потянуло свежим ветерком; Ропшин тоже продрог в лёгком пиджачке.

– Прости, что исповедалась. Легче – своему-то, а чужому бы не смогла. Когда уж пятьдесят, а жизнь проходит... Не провожай!

Ольга торопливо пошагала прямо по росной холодной траве. Ропшин, топчась на берегу, то смотрел на чёрную гладь омута с закрывавшими свои лепестки и уходящими на ночь под воду кувшинками, то следил за удаляющейся одинокой фигуркой Ольги. На сердце разливалась жгуче запоздалая жалость к ней – больше ничего.

Грехи отцов падают на детей.

8

Юрка с дедом Ежкой вроде б и подружились: один наверху звонит, другой внизу метёт. Слепой вначале спросил у Юрки – чей да откуда, и тот вилять не стал, про былую житуху выложил без утайки.

Дед Ежка хмыкнул одобрительно: ночуй, если хочешь, за компанию в сторожке всё веселей. И своровать надумаешь – так нечего. Введенский окинул взглядом горенку, и дед Ежка, видно, учуял это, затрясся в мелком смешке, хлупая ошпаренными веками: знал, куда гость смотрит – в «красный» угол.

– Иконки-то ценные, старые. Про то хозяйка прежняя сказывала, помирая, – а ей их попадья Введенская отдала. Родня-то хреновая, взять боялись... И ворьё не добралось: сторожа по «кумполу», замки на дверях церкви выворотили, а ко мне заглянуть не додумали. Вот ты, паря, можешь их стянуть али подменить. Я слепой, не увижу!

Юрка бы в другом месте вспылил, убежал, хлопнув дверью, – кому любо, когда старым в глаза тычут. Но он сидел, уставясь на тёмные, в блестящих окладах лики. Опять Введенских помянули...

И старик почувствовал, что болтает лишку, словно зрячий, безошибочно нашёл и прижал к столешнице Юркину руку.

– Не обижайся, паря, шуткую я. Голос твой мне вроде знаком. Часом не встречались где?

Юрка недоумённо пожал плечами, и слепой опять будто увидел это:

– Ну-ну! Я чё вспомнил-то... В тридцать седьмом я в команде исполнителей приговоров служил. Насмотрелся, как смертный час человек встречает. По-всякому... Попало нам в «расход расписать» двух братьев-попов. Повёл я своего в подвал, поставил к стенке. Спускаю курок – щёлк! Осечка! Ещё раз – опять! Что такое, поджилки затряслись! Поп оборачивается ко мне – здоровый дядька, молодой, – и говорит: «Видишь, служивый, Господь меня хранит, отводит, час мой, видать, не пробил». Я таращусь на него как дурак, а поп-то на меня надвигается, пальцы вознял: «Благословляю тебя, палача моего!» И тут я скумекал барабан у нагана прокрутить и все остатные пули в эту наглую рожу влепил. Рухнул как миленький! Но я себя чаял – всё, карачун схватит! – дед Ежка затренькал неприятным трескучим смешком и потрогал пальцами свои изуродованные веки. – Меня Бог по-другому наказал... И кабы не это, лежать бы мне давно в земле сырой. Исполнителей наших всех в «расход» тоже пустили, следом за ими же убиенными. А я вот хоть и худо, да живу: ни тех, ни других до того свету встретить не боюсь. Никого не осталось, лежат-полёживают... У тебя, паря, голос с тем попом схож, чё я вспомнил-то, – за-

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 176

кончил неожиданно Ежка и зашаборошил пальцами по столешнице, нащупывая стакашек с водкой. – Налил мне? Давай помянем загубленных человеков!

Юрка слушал раскрывши рот: как прожил жизнь дед Ежка, он прежде стеснялся поинтересоваться, теперь же все всколыхнулось, закипело в нём.

– А-а! – он дико, по-звериному, взвыл, – наверное, так, когда подростком ещё на заводе всаживал прут арматуры в добивавшего его громилу. – Никого не осталось? А я? Сын того попа! Думаешь, не достану тебя?!

Юрка, сжимая кулаки, привстал со стула, но дед Ежка, прикрывавший руками голову, вдруг медленно, боком, повалился на пол и, дёрнувшись, затих.

«Неужто пришиб падлу? – Введенский в недоумении поглядел на свой кулачок. – Не дотянулся вроде б, не успел. А ведь убил...»

Юрка засуетился, бросился перед ликами на колени, торопливо крестясь. И опять сработала в нём потаённая пружина – вовек ей не заржаветь. Он, нашарив в углу горенки мешок, принялся запихивать в него иконы.

– Мои... Имею право! Моё наследство! – бормотал он и, уложив иконы все до одной, закинул мешок на плечо и уже на пороге споткнулся и растянулся во весь мах.

Из незавязанного мешка выскользнула икона Богородицы «Знамение», копия храмовой. Юрка, глядя на лик её, тонко-тонко заскулил, до боли прижимая затылок к острому углу дверного косяка. Если б он умел плакать...

Видение отцу Андрею. 1937 год

Из этой камеры был только один выход – это знали все, находящиеся здесь, – и все они, шепча молитвы, плача или замыкаясь в себе, не теряли слабой надежды на иную участь.

Когда в камеру втолкнули нового смертника, к нему устремились жадные взоры. Отец Андрей не сразу узнал в топчущемся у дверей арестанте с осунувшимся чёрным лицом и обвисшими болезненно плечами младшего брата Аркадия; окликнул его, и брат, обрадованный, тяжело и неловко ковыляя, добрался до нар и упал на колени перед старшим Введенским.

– Братушка! Сподобил Господь перед смертью-то свидеться! – он, роняя слёзы, пытался разбитыми, распухшими губами целовать отцу Андрею руки.

Тот, усадив его рядом, прижал к себе.

– Ты же с ними, Аркадий, вроде был? Как здесь-то очутился? – спросил, когда брат поуспокоился.

– Был. В прелесть впал. Помнишь, как небогато жили мы на приходе, чуть что – и от архиерея шишки. Денег, славы пуще воли возжелалось. А потом ещё понял, что если с ним и не рука в руку – пропал. Выжить хотел, робят поднять... Отпусти, брат, мне грехи, каюсь: лукавый прельстил!

Отец Андрей положил на горячий лоб брата ладонь, но в это время проскрежетал ключ в замке и из-за отворившейся со скрипом железной двери раздался окрик:

– Введенский Андрей?! На выход!

Братья в последний раз обнялись.

– Всё, конец? – прошептал Аркадий.

– Нет! – твёрдо ответил отец Андрей. – Это только начало другой жизни, вечной...

Лицо конвоира – невзрачного паренька в мешковатой гимнастёрке, ведущего отца Андрея по длинному узкому коридору, а потом по склизким каменным ступеням в подвал, – показалось священнику знакомым: жёсткая хищная усмешка не сходила со скул с первым пушком. Введенский припомнил разгар зимы, стынущий на морозе храм и летящую навстречу кованую калитку, а за нею потешающегося парня...

– Идти, не оглядываться!

«Все они на одно лицо!» – вздохнул отец Андрей.

Впереди, освещённая тусклым светом лампочки из-под потолка, близилась глухая серая стена. Вдруг она раскололась надвое, и отец Андрей увидел...

1612 год

...Воры с литовцами вламывались в Городок тёмной сентябрьской ночью. Укрывшийся ещё накануне днём лазутчик отомкнул ворота передовому отряду. Сонная, в подпитии, стража погибла под ножами без единого звука.

В распахнутые ворота, чавкая копытами по подмерзающей грязи, влетела конница; пешцы, звякая оружием, устремились по улочкам спя-

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 177

щего беззаботно города. В узких извивах не видно ни зги – лишь месяц окровавленным оком сумел выглянуть раз-другой в разрыве туч. Треща смолою, занялись факелы, и в разных концах города пыхнули пожары. В зловещих отблесках огня заметались обуянные смертным ужасом полуодетые жители. Стыли отчаянные крики, гасли последние стоны, лишь огонь трещал, разгораясь весело и неистово, выстреливая снопами искр; дерево трещало и под ударами ломившихся в клети лиходеев.

Нечая Щелкунова еле растолкал в постели старый слуга. После крепкой воеводской медовухи – седмицу беспробудно пить и сдохнуть можно – разламывалась голова, мутило нутро, и ещё толком не прочухавшийся Нечай, накинув на плечи зипун, вышел на волю к калитке. Заслышав шум, он отомкнул засов, выглянул на улицу и нос к носу столкнулся с усатой озверелой рожей и едва уклонился от сверкнувшей молнией перед глазами сабли. Пудовым своим кулачищем звезданув в висок, Нечай свалил лихоимца замертво, бросился, скумекав, что худо дело, за секирой в дом... и от оглушающего удара по затылку сполз под ворота тяжёлым кулем.

Опамятовался, когда уже и дом, и подворье опряло пламя. Яркой рождественской свечой пылала церковь напротив.

Кто-то склонился к Нечаю, норовя пособить подняться, – дочь в наброшенной поверх исподней рубахи шали.

– Живой, тятенька?

– Покуда...

Щелкунов ощупывал сгустки крови в волосах на затылке.

– Я-то схоронилась, когда вбежали они, – рассказывала дочь. – Холопьев наших каких побили, какие сами утекли. Давай по сундукам, по ларям шарить...

– Не послушались Галактиона, пропили город! – простонал Нечай. – Прощения просить да каяться б!

– Хозяин-батюшка, бегут сюда! – предупредил невесть откуда выкурнувший, весь в копоти, старый верный слуга.

Поблескивая саблями, к ним подбегали воры.

Нечай подобрал клинок возле валявшегося снопом, кулаком пришибленного литвина, крикнул дочери и слуге:

– Из города выбирайтесь, нет спасения тут! К Галактиону хоронитесь, авось келью не тронут! Прощения у него попросите!

Злобно скалясь, ватага набегала; Нечай приготовился защищаться...

В пылающем городе было светло как днём. Нечаевна со слугой, увёртываясь от летящих головешек, споро добежали до заветного лаза в стене, но в освещённом пожаром посаде к ним прицепились двое воров. Эти за сабли не брались, стали лапать девку, пытаясь сдернуть с неё рубаху.

– О, гарна дивчина!

Слуга, выхватив из-за пояса нож, сунул его в брюхо одному, а второму, послабже и пожиже, вцепился в горло.

– Беги, куда тятенька указал!

Нечаевне удалось ускользнуть в ивняковые заросли: ветки больно стегали по лицу, она падала, спотыкаясь об корни. До взгорка, где стояла келья Галактиона, добралась уж, еле переводя дух, но через круговую канаву сиганула – не заметила, только ноги ожгло ледяной водой.

Галактион, стоя на коленях, молился, на отворившуюся внезапно дверь, насторожась, скосил глаза. Девицу, белым пятном появившуюся в проёме, с растрепанными, в саже, волосами и драной грязной рубахе узнал сразу – занимался уже серенький осенний рассвет. Это она, смеясь, помогала чернецу подняться из пыли под воротами щелкуновского двора.

Девица умоляюще взглянула на Галактиона, уста её беззвучно шевелились.

Он понял и без слов: в низине трещали кусты, доносился возбуждённый гомон пьяных мужских голосов. Галактион расковал цепь, молча схватил Нечаевну за руку и потянул из кельи. Та, испуганно тараща глаза, было уперлась – стены монашеской келейки казались последней защитой, но чернец, кротко улыбаясь, успокоил: «Пойдём, пойдём! Спрячу!»

По склону взгорка они сбежали вниз к громадным валунам, притащенным когда-то древним ледником. Нечаевне опять пришлось шлёпать босой по студёной ключевой воде, зато следы терялись. Под одним из валунов, невидимый в зарослях чапарыжника, открылся лаз в маленькую пещерку. Пробравшись в её сухое нутро вслед за монахом, девка часто зак-

146-178Tolstikov_146-178Tolstikov.qxd 09.06.2021 11:27 Страница 178

рестилась дрожащей рукой – разглядела в дальнем углу добротную «домовину».

– Не пугайся, дщерь! – Галактион постучал согнутым пальцем по звонко отозвавшемуся дереву. – Часа ждёт. Призовёт Господь.

Прикрыв лаз обломком плитняка, Галактион взбирался обратно к келье долго. Поглядел с вершины горки на догорающий, затянутый сизо-мрачным облаком чада город, прошептал, перекрестясь: «Упокой, Господи, души усопших рабов твоих в месте светле, месте злачне...»

Гремя молотком, он успел только-только вогнать обратно и расплющить заклепки на цепи, как в келью ворвалась погоня.

– Девка не у тебя, святой отец? К тебе, видели, побегла, деться ей больше некуда.

Разгоряченные ватажники душили Галактиона вонью перегара, от их испачканных сажей, забрызганных чужой, ещё не успевшей засохнуть кровью звериных рыл чернец отшатнулся, осенив себя крестным знамением. Но о нём вроде бы сразу и забыли, перевернули всё вверх дном в келье, по брёвнышку едва не раскатали, обшарили и всё вокруг, оглядывали из-под ладоней окрестность.

– Дивка гарна...

– Хороша-то хороша, но городского самого богача дочка. Ведает, небось, где отец казну со златом скрыл.

– Говори, куда спрятал девку?! – подступили лихоимцы к Галактиону. – Думаешь, что на цепь себя, ровно кобеля, посади, дак и не тронем? Святым стал? Ещё как башку оторвём!

Сухое тело чернеца месили кулаками почём зря, пинали, били плашмя саблями, даже крюк цепи вырвали из потолка. Галактион, сдерживая стоны и мысленно вознося молитвы к Богу, упорно молчал.

– Бросайте на нём топтаться, зипуны без нас поделят! – крикнул кто-то снаружи.

Злодеи, толкаясь в дверях, сломя голову выбежали из кельи.

Галактион, мало не втоптанный в земляной пол своего обиталища, ощущал, как растерзанное, изломанное, горящее одной сплошной раной его тело покидает жизнь. Последним усилием воли он взмолился: «Господи, прости неразумных – и тех, и других! Благодарю тебя, что сподобил душу невинную спасти и свою отдать в руце твои...»

□

Николай Александрович ТОЛСТИКОВ

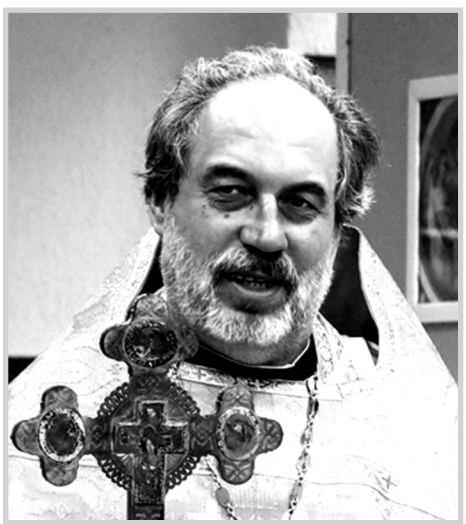
родился в 1958 году в г. Кадникове Вологодской области.

Окончил Литературный институт им. А.М.Горького и Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Священник храма святителя Николая во Владычной слободе Вологды.

Публиковался в российских и зарубежных периодических изданиях, сборниках.

Автор книг «Пожинатели плодов», «Без креста», «Лазарева суббота», «Приходские повести».

Награжден медалью Василия Шукшина, учрежденной Союзом писателей России, и др.

Член Союза писателей России.